

Николай Владленович Басов

Стерх: Убийство неизбежно

Текст предоставлен автором произведения
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161159
Стерх: Убийство неизбежно: Омега-пресс; Москва; 2004
ISBN 5-465-00439-8

Аннотация

В романе Николая Басова «Стерх: Убийство неизбежно» сюжет упирается не просто в решение загадки, но происходит конфликт между участниками драмы и исполнителями преступления, грязного и необычного, затрагивающего потаенные особенности отношений женской и мужской природы. Это образец детектива, в котором общечеловеческие качества сыщика действительно помогают навести порядок и восстановить справедливость... Может быть, даже преодолевая смерть.

Содержание

Посвящение	4
Уведомление	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Басов

Стерх: Убийство неизбежно

Жертвы интересуют меня больше, нежели преступники.
Агата Кристи

Посвящение

Вернеру Толчке, замечательному немецкому детективисту, у которого я украл идею, сюжет, некоторых героев и даже диалоги, но все остальное сочинил сам.

Уведомление

Все герои, предприятия и учреждения в этом произведении придуманы автором; любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, и организациями, когда-либо существовавшими или существующими поныне, является чистым совпадением.

Глава 1

Мир был слишком красивым. Он даже казался упорядоченным и справедливым. Но Стерх знал, что это не так. Следовательно, зло находилось в засаде, и готовилось прыгнуть на кого-то, кто ничего не подозревал, кто, подобно ему, радовался позднему августовскому солнышку и виду Учинского водохранилища, любовался шлейфом пены за кормой катера, и дышал свежим ветром, бьющим в лицо.

Крышки над дизелем катера были подняты, и шум стоял такой, что Стерх полностью не слышал ни одного предложения из тех, что пытался проорать ему потенциальный работодатель – Велч. Он так и представился Стерху, когда они четверть часа назад познакомились на Акуловской плотине – Велч, а полностью – Велемир Прорвич, как ни ужасно это звучит. Он подхватил Стерха согласно телефонному договору, чтобы доставить на коктейль-парти, где Стерх мог увидеть всех участников расследования, если оно, конечно, состоится.

А вот короткие фразы понять было можно, хотя и не наверняка. Вот как сейчас, когда Велч наклонившись к Стерху проговорил:

– Ну что, сыграем в...

Дальше Стерх не разобрал. Но Велч просто информировал, что придумал нечто. Твердой рукой он выволок рычаг газа до предела и повернул автомобильный руль так, что нос катера уперся в медлительную яхту, появившуюся впереди.

– Он, кстати, тоже тут, – Велч вытянул руку к яхте.

На палубе яхточки были видны какие-то девицы в купальниках и несколько загорелых не на бледном подмосковном солнышке молодцов, раздетых в спортивные, яркие, этикеточные костюмчики. Это делало их странно похожими друг на друга.

– Который из них?

– Тот, на руле.

Яхта приближалась с удивительной быстротой. Велч крепче взял руль и широко улыбнулся, не разжимая зубов. Так волк предупреждает противника о своей ярости, или ощеривается, когда видит добычу. Стерх проследил за ним по автомобильному зеркальцу над ветровым стеклом, и запомнил, хотя еще и не понимал, что именно он видел.

Рядом с рулевым, светловолосым пареньком, поглядывающим на катер с беспокойством, стояла спортивная, довольно сильная девушка, положив ему руку на плечо.

– Это и есть полька? – спросил Стерх.

– С которой они должны пожениться, – подтвердил Велч.

– Красивая. – Стерх еще раз как следует осмотрел польку, хотя с такого расстояния это было и не просто.

Впрочем, катер летел, не сбавляя скорости, и до яхты оставалось уже недалеко. Стерх посмотрел на Велча. Этот молодой человек казался ему вполне вменяемым, то есть, он понимал, что и как делает, но могло оказаться, что это и не так. Катер был нацелен прямо в середину яхты, как колун в полено. Стерх сделал глотательное движение, потому что во рту стало сухо и противно.

Кто-то вдруг закричал на яхте дурным голосом. Кто-то из девиц бросился на нос, с явным намерением прыгнуть за борт.

А наследник торговой империи подержанной одеждой, из-за которого Стерх и должен был получить эту работу, стоящий на руле, вдруг сделал нелогичный и даже опасный для такого ветра поворот руля. Гик мачты резко перелетел на другой борт, яхта сильно накренилась, кто-то, не удержавшись на гладкой палубе, свалился в воду, потом паруса заполоскались, и лебединое суденышко сразу стало некрасивой, потерявшей достоинство уткой.

– Он никогда не выдерживает, – крикнул, все так же странно улыбаясь, Велч и резко дернул руль. Катер развернулся почти на месте.

Тяжелая волна, образованная катером, гулко хлопнула по борту яхты и закачала ее, заставив мачту забиться в растяжках, а людей покрепче вцепиться в поручни. Скорость катера резко упала, теперь он был едва движущейся вперед колодой, вовсе не похожей на ту торпеду, какой был только что.

Стерх достал подчеркнуто неторопливым движением платок и вытер выступивший на лбу пот.

– Я думал, парни твоей профессии покрепче, – насмешливо бросил Велч.

– Парни – может быть, но не я. К тому же – жарко, – ответил Стерх, злясь, что придется оправдываться.

На самом деле, он, конечно, испугался. Главным образом потому, что не мог ничего предпринять, не понимая ситуации.

Вика – уже полтора года его секретарша и единственный сотрудник, как она любила говорить, настоящая Делла Стрит при ненастоящем Мейсоне, передала ему телефонную трубку сегодня чуть за полдень, и добавила, что с ним хочет поговорить сынок какого-то миллионера. Стерх тем временем читал труд одного из своих согруппников по истфаку Московского университета, который, в отличие от Стерха, не бросил науку и которому наконец-то разрешили наваять монографию. Книжка была не очень сильной в плане изложения, а идеи, которые излагал согруппник, как и в прежние времена, были насквозь пропитаны идеологией. Только теперь это была не верность партии, а присяга своре экономических душегубов из Кремля.

Оба сидели, разумеется, на квартире Стерха, которая служила ему с нового года и офисом, потому что содержать настоящий офис Стерху стало не по карману, а присоединяться к какому-либо скопищу лентяев, именующих себя охранным бюро, и получать зарплату за то, что он должен был кому-то все время подчиняться, Стерх пока не хотел.

Сигарет у Стерха было множество, голова после вчерашнего почти не болела, книга была настолько скверной, что не вызывала зависти, жизнь катилась своим чередом. Вика время от времени деловито шуршала за единственным столом какими-то бумагами. Очевидно, она что-то там делала, то есть, у нее имелась работа. Это было странно, потому что уже третью неделю телефон молчал, как заговоренный. В Москве, столице якобы великой державы, экономика которой стоила менее половины экономики любого не считающего себя великим государством, например, Мексики, преступления явственно и решительно не требовали участия Никиты Стерха, бывшего историка, потом бывшего следователя прокуратуры, а ныне лицензированного частного детектива.

Вот тогда-то и раздался звонок. Стерх дошел до какого-то очень уж нелогичного рассуждения, погрузился в разгадку этого ребуса с головой и пропустил все воркование Вики. Каково же было его удивление, когда он осознал, что она стоит рядом и протягивает трубку ему. Лицо ее было решительным и, как писали в коммунистических романах, волевым. На нем определенно читалось решение, к подробностям которого Стерх был еще не допущен.

Она ничего не говорила ему, просто смотрела чуть прищурившись, не мигая, возвышаясь, как просроченный банковский счет.

– Я занят, – попробовал было Стерх.

Она сунула трубку его запараллеленного аппарата ему в руку и демонстративно отошла к столу. Тогда-то Стерх и узнал, что его будут ждать на плотине, до которой лучше всего добраться на электричке с Ярославского вокзала, а потом немного пешком.

Пару раз он раскрывал рот, чтобы возразить, но именно в этот миг взгляд его находил лицо Вики, и приходилось покорно прятать недовольство за междометиями.

Когда трубка вернулась на аппарат, самозваная Делла Стрит, не смущаясь, пошлепала в соседнюю комнату, которая служила Стерху спальней, и принялась резво, как барсучиха, рыться в платяном шкафу. Голос ее стал звучным.

– Наши акции идут в гору, шеф. Придется тебе не ударить лицом в грязь и придется в костюм. Как удачно вышло, что на прошлой неделе я отдавала его в чистку. – Она стояла в дверях большой комнаты с темно-серым костюмом на вешалке. – И тебе придется обещать, шеф, что ты не развяжешь галстук, пока не поговоришь с владельцем этой империи.

Она уже дважды назвала его шефом. Это значило, что споры бесполезны. И лучше все-таки смотаться на эту вечеринку и осмотреться, может быть, в самом деле что-нибудь да получится. То есть, выгорит дело, а это означало хоть какой-то доход или, как иногда говорила Вика – «запас плавучести».

Пока он переодевался в спальне, она информировала его, готовя на кухне чай с бутербродами. Оказывается, должно было произойти убийство, ни больше, ни меньше. В жертвы наметили некую Нюту, или Нюру, горничную в загородном доме Вильгельма Витунова, барона от оптовой продажи подержанной одеждой. Девица некоторое время спала с его сыном, Митяшей, и теперь ждала от него ребенка. Помимо того, что молодчик с труднопроизносимым отчеством Вильгельмович сделал ей ребенка, он был также наследником действительно немалого состояния, которое составил его папаша. Он также дружил с Велчем, и собирался вскоре заключить династический брак с полькой по имени Маго Шагеринска. Эта сама Маго также была единственной наследницей польского магната разнообразной одежды, так что союз обеих фирм и взаимопроникновение их на смежные рынки открывал для папаш этой пары сногшибательные перспективы.

Вернее, откроет, если брак состоится, а помехой ему как раз и являлась Нюта. Хотя она, может быть, и не догадывалась об этом.

Пока Митяша Витунов, наследник миллионов, орал на Велча, перегнувшись через релинг яхты, Стерх внимательно его рассматривал. Чем дольше он смотрел, тем больше его одолевали сомнения. Дело было всего лишь в том, что Митяша был совершенно, ну просто абсолютно не похож на убийцу. Он был похож на телка. Затянутого в дорогие тряпки, немного пресыщенного, но все-таки телка. Эта модненькая прическа под горшок, эти веснушки, слабенькие руки маменькиного сынка, которые так и не научились как следует играть на пианино – все выдавало в нем нерешительность, едва ли не безволие.

Когда гомон от несостоявшейся аварии поутих, а выпавшую за борт девицу подобрали, Велч и Стерх перебрались на яхту. В катер спустился какой-то костистый молодой человек и стайка девчушек, среди которых верховодила долговязая девица с хищной улыбкой на бледных губах. Катер взревел дизелем и умчался в сторону Пестовского водохранилища.

Велч принялся церемонно представлять Стерха польке, которая почти не смотрела на них, зато не сводила взгляд со своего жениха, как бы прося у того пояснений или перевода.

Так толком ничего и не добившись, потому что Митяша вдруг не захотел становиться переводчиком, Велч со Стерхом отошли на нос.

– Породистая девка, – сказал Велч, глядя как их тени бегут по гладким волнам.

– Ты полагаешь?

– Ха, папашка перетряхнул половину какого-то научного института по полякам. Оказалось, она – прямая ветвь одного их гетмана, и скорее всего, происходит даже от короля из семнадцатого века. Конечно, король – так себе, его выбирали шляхтичи. Был у них в прошлом такой обычай...

– Я знаю, – сдержанно ответил Стерх.

– Но она в любом случае – из благородных. Такую и трахать нужно с реверансами.

– Сейчас-то все решают деньги. Нынешние деньги их отцов.

– Деньги не всегда все решают. Посмотри на нашего рулевого. – Стерх мельком обернулся на Митяшу. Тот уже стоял у руля и заставлял яхту набирать ход. – Вот кому все плывет в руки. А он валит в постель служанку, и не может отвязаться от нее иначе как через убийство.

Стерх достал сигареты. Теперь все было слышно, не то что на катере.

– Почему ты думаешь, что убийство все-таки состоится?

– Он весь сделан из комплексов. Он никогда сам не подошел бы к такой девушке, как Маго. Ощущение неполноценности не пустило бы... Он чувствует себя уверенно только в присутствии такой простушки как Нюта.

– Ты же говорил, что ее зовут Нюра.

– Нюра – совсем уж просто. А Нюрочка – бессмысленно.

– Не вижу ничего бессмысленного.

Велч окинул Стерха косым, быстрым взглядом. Сам по себе это был даже и не взгляд, а так, дань вежливого внимания к собеседнику. Но Стерху показалось, что его мгновенно оценили, взвесили и определили в какую-то графу, где он почувствовал себя не очень уютно. Более того, ему как бы и будущее предсказали. И все это со скучающей физиономией – потрясающе!

– Я, кстати, предлагал ее Аней называть, но они не послушали.

Стерх и сам внимательно, стараясь, впрочем, чтобы это было не очень заметно, следил за Велчем. Он даже на поручень оперся, что бы иметь возможность смотреть на него краем глаза. В этом было что-то очень новое для Стерха. А может быть, не для него одного.

– Стерх, пойми правильно. Я ничего не имею против красивой служаночки. Но не обязательно брюхатить ее. Тем более, если у старика такие виды.

– Я все-таки не догадываюсь – зачем убивать? И за что?

– Чтобы она потом не ехала на твоей шее до самой старости. Чтобы не было огласки, которой у нас никого не испугаешь, но этих, из-за бугра, может оттолкнуть. Потому что девку такого класса, как Маго, нужно брать очень чисто, без единого пятнышка на горизонте. Разумеется, если ничего не видно, то пятнышко может быть величиной с убийство.

Стерх потряс головой.

– Бред какой-то. Неубедительно, Велч. За это не убивают. Да еще в наше время.

– Ты хорошо знаешь, за что сейчас убивают в этой стране?

Стерх вспомнил случай, происшедший весной, простой и бессмысленный случай, о котором даже газеты написали как-то сквозь зубы, хотя по тому состоянию общественного здоровья, которое он высветил, его нужно было выносить на первые полосы.

Двое молодых ребят-фермеров из неблизкой провинции, прослышав про московские бешеные цены на все, что можно есть – кстати, действительно, самые высокие цены в стране, кроме Крайнего Севера – привезли на заемном грузовичке какую-то свою продукцию. Откинули борт, стали торговать. Цена была такой низкой, что моментально выстроилась очередь.

Через полчаса к ним подошел мужичок и предупредил, что если через пятнадцать минут они все еще будут здесь, он начнет стрелять из автомата. Фермеры были не самые хилые, привыкли, вероятно, от таких наездов в своей деревне отмахиваться, и послали мужичка подальше. Очередь поддержала.

Через пятнадцать минут мужичок вернулся с автоматом. Шесть трупов и одиннадцать раненных. Оба фермера и два человека из очереди – в упор. Остальных – веером от живота, просто потому, что поддержали фермеров. Когда местные заправила грабят, фраера должны быть тихи и никого не поддерживать. А фраера – это как раз все те, кто стоит в очереди. По сравнению с таким ельцинским «капитализмом с человеческим лицом» рабовладение кажется недостижимым идеалом светлого человеколюбия.

Пока Стерх курил и разглядывал воду, яхта довольно резво вошла в небольшую затоку и подвалила к молу, на котором стоял щит с яркими красными буквами – «Не приставать, частная собственность».

Последняя программа правительства, или кто там в действительности принимал какие-то решения, шла полным ходом. Бывшие председатели колхозов втихаря распродавали землю, а государство еще пару-тройку лет могло выглядеть державой, способной вести какую-нибудь войну или усмирять недовольных. О более отдаленных перспективах никто не думал.

Выбросив на берег конец, Митяша выпрыгнул на мол, протянул руку Маго и, не оборачиваясь, ушел в сторону песчаного пляжа, за которым виднелся большой, невеселый сарай, вероятно, эллинг. Митяша был уверен, что найдется кому заняться яхтой, и оказался прав.

На молу сразу появился человек, который принялся вязать конец, и выглядел так, словно всегда этим занимался. Все было правильно, потребности новых русских создавали новые рабочие места.

Когда на берег сошел Велч, перед ним сразу образовалась стайка девушек в купальниках. Стерх им позавидовал – как только он оказался на берегу, стало ясно, что в костюме и галстук можно одуреть от жары. Но он обещал Вике, приходилось терпеть.

Перед домом, построенным в центре огромной лужайки, скорее даже луга, веселыми пятнами выделялись тенты. Под одним из них кто-то в белом пиджаке тряс шейкер. Перед этим тентом толкались преимущественно мужички, все как на подбор похожие друг на друга – отяжелевшие от чрезмерной сытости и немереного потребления спиртного. Немного в стороне, на шезлонгах, обосновались дамы. Впрочем, многие из них тоже не упускали возможности накачаться бесплатной выпивкой.

В стороне от дома, за высокими и довольно густыми кустами сирени, время от времени ревели моторы. Вероятно там была площадка для машин. Чуть дальше, в той же стороне, между высоких сосен виднелись другие подобные дома. Но они стояли настолько далеко, что не вызывали раздражения, и казались просто частью леса. Все было очень дорого и похоже на представление русского о нерусской жизни.

С другой стороны участка все было тихо и довольно-таки уныло. Если нужно остаться незамеченным, то подходить следует оттуда, решил Стерх. Хотя почему так подумал, он не сумел бы объяснить даже на суде.

Неожиданно зазвучала музыка, откуда-то вышли шесть музыкантов, которые старались не сбиться с ритма на ходу. Почему-то они не захотели сначала обосноваться на небольшом возвышении в углу лужайки, а лишь потом начинать играть. Вероятно, так было в контракте. Веселье стало набирать обороты. Солнце опускалось за деревья. Стерх подошел к мужчинам, расположившимся перед барменом.

Оказалось, что выпивку теперь разносили две девушки, выглядевшие совершенно невероятно в кокошниках и платьях старинного покроя. Одна из девушек была чуть ли не со Стерха ростом и рассматривала всех злым, неулыбчивым взглядом. А вот вторая была мягкая, и очень приятно, по-домашнему улыбка. Стерх сразу почувствовал, что с ней хорошо сидеть рядом, даже не разговаривать, а просто ощущать эту готовность к доброте и участию. Такая девушка способна была залечивать любые раны, особенно душевные.

Вот только разносила она какую-то гадость. Стерх, пригубив желто-зеленое пойло из широкого бокала, чуть не выплюнул его на траву. Он оглянулся, соображая, куда бы отставить этот бокал, и заметил Велча. Юноша был уже навеселе. Его глаза блестели, на верхней губе выступили бисеринки пота, но пьяным он, конечно, не был.

– Кстати, это она и есть.

– Нюра? – Теперь Стерх внимательнее присмотрелся к девушке, улыбавшейся гостям. И чем дольше он смотрел на нее, тем больше доверял первому впечатлению. И тем лучше

начинал понимать Митяшу. Уже через минуту она показалась ему надёжной, как земля или это водохранилище.

Нюра подошла к группе молодых людей, среди которых был и Митяша. Многие из них принялись растаскивать бокалы. Маго взяла один бокал и протянула его Митяше. В этом жесте была такая демонстрация покровительства, которая могла задеть любую женщину.

Митяша поднял глаза на Нюру, на его щеках вдруг появились два отчетливо видимым красных пятна.

– А сейчас передеваемся, и – в воду, – прокричал какой-то бугаек с целым ювелирным магазином на шее.

Девушки, в сопровождении кавалеров, со смехом отправились к дому. Маго взяла Митяшу под руку и повела с собой.

Нюра с полупустым подносом смотрела им в след. Она сразу оказалась покинутой и равнодушной ко всему, что творилось вокруг. Она стала настолько неподвижной, что никто из гостей довольно долго не подходил к ней, пока за бокалом не начала охотиться бесчувственная как камень, молодящаяся старуха с лысеющим молодым человеком, рукав которого она не выпускала ни на мгновение.

Тогда Нюра вздрогнула и осознала, что за ней наблюдают. Она оглянулась на Стерха. В ее глазах появился глубокая, темная синева, и Стерху вдруг захотелось подойти к ней и обнять, чтобы вытащить ее из этого мира богатеев и скрытых сволочей.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. В глазах Нюры медленно возникал вопрос, она не понимала ни интереса этого человека к себе, ни того ощущения, которое он вызывал в ней.

Наконец, она обернулась и пошла к бармену. Стерху понравился упругий, широкий для ее роста шаг, который едва помещался в длинном платье. Она поставила поднос на небольшой столик сбоку от бара и тряхнула затекшими руками. Легкая, естественная как дыхание, улыбка снова появилась на ее губах. И стало ясно, что любви этой девушки хватило бы на полмира, а может быть, и больше – необременительной, невесомой, как вечерний свет, неостывающей, почти божественной любви. Даже парни покрепче Митяши могли полюбить эту девушку.

От наблюдения за Нюрой Стерха и Велча отвлек человек в смокинге, твердо стоящий на ногах и тяжелым взглядом изучающий все, что видел перед собой. Он был крепко, плотно сбит, а сквозь редкие волосы на черепе его кожа блестела, как поверхность очень твердого металла. Ему было здорово за пятьдесят, но странное дело – он казался из тех, кто становится только сильнее от возраста. Он улыбался, но даже морщинки в уголках глаз вызывали ощущение холода и неуязвимости. Тяжелый подбородок с ямочкой посередине требовал относиться к этому человеку с осторожностью.

Он осмотрел Стерха легко, как бабочку, случайно залетевшую на этот луг и повернулся к Велчу.

– Ну, вот я вижу сына моего старого друга и коллеги... Сам-то будет?

– Вряд ли, дядя Вилли, – ответил Велч, и Стерх догадался, что перед ними стоит хозяин дома.

– Очень жаль, – чтобы скрыть какой-то второй смысл этой фразы, понятный только ему, Витунов поднес бокал к губам и снова посмотрел на Стерха.

– Это господин Стерх, – быстро отозвался Велч. – Он работает в нефти.

Витунов-старший рассмеялся.

– Работает в чем?

– Ну, ты понимаешь, что я хотел сказать.

Вильгельм Витунов неторопливо переложил бокал в левую руку, а правую протянул вперед.

– Рад видеть вас у себя.

Стерх пожал эту руку. Она была горячее, как у гиревика, только что отошедшего от снаряда. Потом Витунов-папаша потрепал Велча по плечу, от чего тот расслабленно, по-мальчишески улыбнулся. Хотя он был выше Витунова-старшего на полголовы, но в этот миг показался маленьким и вполне мирным.

– Веселитесь, дети, радуйтесь жизни. У нас не было такой возможности... И все-таки жалко, что отец не появился.

Он повернулся и пошел к следующей группе гостей.

– Ваш отец бывает в этом доме? – спросил Стерх Велча.

– Нет, конечно. Но дядя Вилли всегда задает этот вопрос. – Велч задумчиво смотрел на воду, уже темнеющую в ранних сумерках. – Ему кажется, что карманы у него уже набиты польскими злотыми.

– Быть может, – ответил Стерх, указав едва заметным жестом на нескольких пожилых мужчин в превосходных костюмах, окруживших Вильгельма Витунова. Один из них, повадками похожий на Витунова, заговорил со странной, звучной интонацией, в которой с трудом можно было понять лишь корни русских слов. Вероятно, это был отец Магдалены, пан Шаггерински.

– Это вовсе не так просто, приятель, – в голосе Велча появились поучающие, зудящие ноты. – Конечно, сила и авторитет дяди Вилли идут вверх, поскольку лишь глухой не слышал о браке его сына с полькой. Но есть еще Нюра. А будет и ребенок, внук или внучка Витунова... А, пойдем к бару.

Стерх охотно принял предложение. Он пошел в сторону беседки так быстро, что Велчу пришлось поспевать за ним. Когда до беседки оставалось не больше десятка шагов, вдруг раздался щелчок, и на металлических стойках вокруг стола с напитками загорелись разноцветные лампы. Такой же свет вспыхнул по периметру лужайки и на террасе дома. Только теперь стало заметно, насколько основательно стемнело.

Перед баром стояла все та же карга с лысым сосунком, по-прежнему сжимая его рукав, и разговаривала с каким-то усталым, сгорбившимся дедом. Его лицо показалось Стерху знакомым, хотя он и не вспомнил, где мог видеть его.

– Ах, на приемах у Витунова всегда бывает что-то исключительное. Столько неожиданных, – карга с молодым муженьком или любовником посмотрела на лампочки с таким восторгом, словно только что приехала из глухой тайги.

Стерх вдруг заметил, что бармен в белой куртке пропал, а появился кто-то с неразличимым лицом, кто носил старорусскую рубаху с таким видом, с каким мог носить и одежду средневекового китайца. Заметив взгляд Стерха он протянул ему виски с содовой.

Стерх глотнул, потом еще, и оказалось, что стакан уже пуст.

– Можешь придумать что-то посильнее? – спросил он бармена.

Бармен кивнул и с уважением налил чистого виски, которое даже не пытался разбавлять для вида. Стерх вспомнил о Велче, который стоял рядом и смотрел на своего гостя с улыбкой.

Стерх взял свой стакан и наклонился к Велчу, который открыл банку водки с лимонным соком. Нужно было выпить целую упаковку таких банок, чтобы понять, что водка присутствует только в названии.

– Кто еще знает о том, что Нюра ждет ребенка от Митяши?

– Никто, кроме нас, и конечно, Витуновых. Никто и не должен знать, пока дело не дойдет до объявленной помолвки. Тогда мы и подбросим эту бомбу – сначала полякам.

– А как вы об этом узнали? – Стерх сделал ударение на обращении.

Велч таинственно улыбнулся.

– Любопытство – первейшая вещь, которую молодцы моего возраста должны использовать в бизнесе. Это важнее, чем десять тысяч на подносе официанта, после расчета за ужин уважаемого клиента.

Вдруг перед ними появилась молодая и слегка растрепанная девица. Как-то неуловимо она очень подходила Велчу. Она смотрела на него со смесью восхищения и осторожности.

– Велч, я не видела тебя уже неделю. Потанцуй со мной.

– Катя, я занят, может, позднее.

Осознав по тону, что большего она не добьется, девушка повернулась к Стерху.

– А ты, благородный господин, неизвестный и таинственный?

Стерх с улыбкой потряс головой. Девушка была хороша, даже очень. Но в ней не ощущалось тепло, которым так щедро была одарена Нюра.

Она сделала раздраженную гримаску и отошла. Может быть, способность к всеохватывающей женской любви еще не проявилась в ней, а возможно, уже стала размываться от бурных развлечений, подобных этому вечеру. Слишком уж явно она охотилась, хотя почти наверняка год-другой назад ходила в школу.

– Хорошо, предположим, что ваша информация надежна...

– Она абсолютно надежна.

Стерх посмотрел на Велча. Юноша был не просто убежден в этом, он знал что-то, о чем не сказал, и наверное, никогда не скажет. Этому следовало доверять.

– Хорошо. Я принимаю эти сведения. Но убийство... Это очень сильное средство. Я видел здесь людей, которых не испугаешь внебрачным ребенком, даже если дело дойдет до ребенка. А вот преступление... Огласка, расследование... Тому же Вильгельму Витунову проще договориться с паном Шагерински, и все будут довольны.

– Стерх, посмотри на весь этот цирк, разув глаза. Это же неофициальная помолвка. Посмотрите, как они друг за друга держатся... – Стерх посмотрел на Митяшу, который снова вынырнул с Маго на краю лужайки. Теперь он был в строгом смокинге, а она в длинном вечернем платье, которое очень шло ей. Он вел ее под руку. Это действительно было похоже на выход светской пары на официальном приеме. – И самое главное, пойми – ни дядя Вилли, ни этот пан ни на йоту друг другу не верят. Они отчаянно нуждаются друг в друге. Но дело у них пойдет только после определенного гарантированного обеспечения, которым является этот брак. А до тех пор, разумеется, возможен полный разрыв, особенно если шляхтич узнает...

Внезапно какая-то женщина взвизгнула, а со стороны бара послышался звон бьющейся посуды. Нюра, проходя мимо стола со свежими стаканами, упала в обморок.

Глава 2

Но в общем, особенного внимания это событие не привлекло. Только две или три пары гостей отошли от бара, а две женщины, наоборот, склонились над упавшей девушкой. Зато бармен действовал решительно. Он подошел к Нюре, поставил на ноги и повел в сторону дома. На ступенях террасы как раз стояли Маго и Митюша. Увидев, что произошло, молодой человек сторбился и долго смотрел в сторону исчезнувшей за дверями пары в старинных русских нарядах.

– С девушкой что-то случилось? – спросила Маго на вполне понятном русском.

– Ничего особенного, – ответил Вильгельм Витунов, появившийся как из-под земли рядом с сыном. – Наверное, надышалась из бокалов, пока разносила напитки гостям. Ты позволишь? – обратился он к сыну и взял Маго под руку.

Тревога появилась на лице Митюши, как только он остался один. Он спустился с террасы и пошел в сторону бара, где вместо бармена напитками занялся Велч. Он делал это настолько весело и легко, что довольно скоро около него собралась группа гостей, чтобы перебраться с ним шуткой.

Впрочем, это не могло продолжаться долго, скоро гости отошли от освещенной фонариками беседочки и перед Велчем остался только Митяша.

– Тебе коньяку или чего-нибудь полегче?

– Давай, что есть, – резко ответил Митюша и почти вырвал из рук Велча широкий коньячный бокал, налитый почти до половины.

Стерх придавал существенное значение тому, как человек пьет спиртное, но сейчас он ничего не успел разобрать, потому что Митюша выхлестал бокал одним движением.

– Вот, посмотри на него, господин Стерх, – обратился Велч к детективу, который стоял рядом, опершись на металлическую стойку.

– Что это значит? – неуверенно спросил Митюша.

– Ничего особенного. Я думал, что в амурных делах, так сказать, ты еще подгузники носишь, а ты сматываешься в Варшаву и там уламываешь такую девицу, что... Маго – это класс, дружище. Давай выпьем за ее здоровье.

Если Велч и ждал какой-либо реакции на свои слова, то ему пришлось разочароваться – спокойно, не выказав ни малейшего напряжения Митяша повернулся и пошел в сторону темной рощи. Все-таки Велч допил свой бокал шампанского, подмигнул Стерху и принялся смешивать какой-то сложный коктейль трем дамам, подошедшим с явным намерением выпить и заняться обсуждением какой-то другой дамы, отсутствующей в их блистательном собрании.

Когда они отошли, Стерх спросил, сам наливая себе чистого виски:

– На каком она, собственно, месяце?

– На третьем.

– Вы подозрительно хорошо информированы.

– Вообще-то, я знаю больше... Например, когда и как ее просили сделать аборт. И знаю, как она отказалась. Может быть, она думает, это ее шанс не умереть с голоду даже в самые «реформаторские» годы, а может, рассчитывает, что ее просто устроят на тепленькое местечко. Старик Витунов пока ни на что не может решиться. Все-таки, что ни говори, а если девица будет действовать решительно, возникнет скандал. А если они ее по-простому куда-нибудь сплавят, она всегда может возобновить свою игру. И опять – неизбежный скандал, так или иначе... Поверьте, Стерх, единственное решение – убийство. Оно попросту неизбежно.

Довольно долго никто к ним не подходил. И на время стало тихо – музыканты ушли отдохнуть. Потом откуда-то появился бармен, поблагодарил Велча, и, едва они отошли к музыкантам, снова появилась Катя.

На этот раз она действовала смело.

– Там ставят настоящую музыку, пошли, Велч, а то обижусь.

Велч вздохнул, взял девушку за руку и пошел в сторону площадки, выложенной хорошо подогнанными мраморными плитами. Через мгновение оттуда действительно ударили звуки такого бесноватого диско, что находиться в радиусе нескольких сот метров стало опасно для слуха.

Стерх почувствовал, что на сегодня с него достаточно. Он подошел к бару, захватил уже опробованную бутылку виски, и пошел в сторону темного пляжа. Парень в белой куртке только хмыкнул ему вслед, но не протестовал. Те, кто запросто разговаривали с Велчем, пользовались здесь некоторой свободой.

Чуть не наступив на какую-то парочку, которая сомкнутой массой крутилась на остывающем уже песке, и пробормотав извинение, Стерх нашел лавочку, уютно спрятанную от дома, пляжа и лужайки невысокими кустами жасмина. От воды тянуло уже нелетним холодом. Зато виски было совсем не наихудшего сорта. Не самое дорогое, но вполне приличное. А после четвертого бокальчика даже показалось превосходным.

Зато сигареты медленно теряли какой-либо вкус вообще, это значило, что Стерх был уже изрядно пьян, даже по своим меркам. Пока он мог еще соображать, он припомнил все, что с ним случилось после полудня. Сейчас все было очень резким, ярким, подвижным и изменчивым.

Может быть, по причине подвижности своего воображения, Стерху казалось, что в этой головоломке чего-то не хватало. Нужно было добраться еще до какой-то информации, которой он сейчас не располагал. Нужно было выяснить, каково реальное положение империи Витуновых на рынке. Поляка можно было пока не проверять. Наверняка это сделал сам Витунов, и если он пытался женить сына на его дочери, значит там, по крайней мере внешне, все было в порядке.

И все-таки, все-таки... Убийство, настоящее, подлинное, опасное, ведущее ко многим непредсказуемым последствиям преступление. Даже в России, где больше шестидесяти тысяч человек в прошлом году пропало без вести, где вблизи почти каждого большого города находят захоронения стариков, убитых из-за квартир, где милиция разучилась приезжать по вызову раньше, чем через пару-тройку часов... Даже сейчас и здесь убийство было несоизмеримо с реальной сложностью причины, которую привел Велч.

Пожалуй, стоило обратить внимание на самого Велча. Мог ли он придумать сложный, многоходовой и действенный замысел с подставками и ложными следами? Скорее всего, да. Он выглядел не очень серьезным, не казался чересчур обремененным знаниями, но умение комбинировать было у него в крови. А самоуверенности хватит на дюжину западных миллионеров. Да, Велч вполне мог вообразить какой-нибудь проект, в котором Стерху отведено место свидетеля, чьи показания послужат если не прямым алиби, то порукой некоторой безопасности.

Стерх допил уже пятый бокал и решительно отодвинул от себя бутылку. Что бы он ни думал о себе и других заправилах всего этого свинства, происходящего в воображении Велча или в реальности, могла возникнуть настоящая угроза жизни Нюры, полной доброты и женского, особенного смирения. Или Нюты. Нет, Нюра – лучше, привычней нашему уху, хотя и в самом деле кажется грубоватым... Значит, нужно пока смотреть, что происходит, и не выходить из дела. Даже если Велч придумал что-то помимо того, о чем рассказал.

Стерх встал и пошел в сторону, где по его мнению находилась автомобильная площадка. Он прошел мимо гаража на четыре бокса, мимо небольшого стада очень дорогих машин, среди которых не было ни одного «Жигуленка», вышел на шоссе и довольно быстро, по наитию, оказался на автобусной остановке. Было еще не поздно, и уже через полчаса он

залез в пустой, едва освещенный салон автобуса, который, судя по указателям, мог довезти его до Лианозова.

Продремав всю дорогу и сделав пересадку на площадке у Лианозовской платформы на 179 маршрут, Стерх еще до полуночи вошел в свою квартиру, с наслаждением скинув лакированные, новые, и потому очень тесные ботинки.

На дверце бара он нашел лист бумаги. Аккуратным до изумления почерком Вики на нем было написано ярко-фиолетовым фломастером: «В 10 часов ровно – подписываем договор с Прорвичем-старшим в его офисе».

Вздыхнув, Стерх вытащил бутылку водки и сделал порядочный глоток. Водка после виски показалась вульгарным пойлом для конченных алкоголиков. От ее вкуса по всему телу прошла дрожь. Стерх посмотрел на этикетку, чтобы удостовериться, что это та самая бутылка, что и вчера, а не подмененная особенно изощренными лазутчиками общества трезвости, злобно поставил ее на письменный стол и ушел спать.

Глава 3

Следующим утром Стерх еще спал, когда открылась дверь его квартиры. Он не слышал, как кто-то легким, но не очень осторожным шагом прошествовал к его комнате, потом вернулся на кухню, и там раздался неопиcуемый звук, когда на стол со всего размаха были поставлены сумки с какой-то едой, банкой с кофе и пакетом молока. Потом шаги направились в так называемый офис, и оттуда раздался резковатый, почти по-настоящему возмущенный голос:

– Опять тут пахнет, как в трактире... Да еще в грязном.

Вот этот голос он уже не мог не услышать. Он проснулся, перекатился на спину, потому что почти всегда после слишком крепких возлияний спал на животе, подтянул одеяло к подбородку, и очень хорошо представил себе, что произойдет дальше. Ждать пришлось недолго, особа, вторгшаяся в квартиру, прокричала уже из коридора:

– Удивляюсь, как у тебя хватило ума раздеться. Однажды я войду, и ты будешь спать в сапогах.

Стерх не хотел двигаться. Он не выспался, к тому же чувствовал, как в его крови еще гудел алкоголь. Поэтому он отвернулся, чтобы не видеть коридора. Но агрессора это не оставило, шаги раздалась в самой комнате, и приближались, пока не оказались под самым его ухом. Делать было нечего, Стерх разлепил глаза. Над ним стояла Вика.

Вообще-то она была среднего роста, щупленькая, и хотя ее возраст приближался к тридцати, все еще со спины походила на девочку, которая не торопилась избавиться от подростковой угловатости и резкости движений. К сожалению, не только движений. В ней осталась, должно быть, с юности, резкость суждений, суровость взгляда и сила воли, которая происходила не только от цельного характера, но и от сумасшедшего убеждения в своей правоте. Если бы Стерх не помнил об этой особенности своей сотрудницы, и не был постоянно настороже в их отношениях, она уже давно захомотала бы его, да так, что неясно было бы кто начальник, а кто подчиненный.

Ее почти всегда очень коротко постриженные волосы меняли свой цвет не реже, чем раз в квартал. Иногда это случалось даже чаще, и почти всегда настолько, что Стерх никогда, ну ни разу в жизни, не сумел угадать следующую палитру. Она побывала платиновой блондинкой, красновато-русой, ярко-рыжей и однажды даже неопиcуемой светло-русой с розовыми прядями. Прошедшее лето Вика имела цвет темно-ореховый, и это было почти пристойно, не выбивалось из общего ряда, по крайней мере, ее можно было без опасений отпускать для наружного наблюдения.

– Однажды я увижу тебя совсем лысой, – сказал он, стараясь не облизывать пересохшие губы.

– Что? – спросила Виктория, но он знал, что она прекрасно его поняла. На всякий случай, она одернула юбку.

Обычно она носила голубые джинсы, или очень строгие, почти по-девчоночьи скроенные платья, что подходила под ее размашистую, не совсем совместимую с ее габаритами широкую походку. Но сегодня она была в темной, почти деловой юбке и широком пиджаке. Кажется, это у нее называлось видом «настоящей секретарши». Такой вид пугал его – это значило, что предстоит еще один раунд борьбы за свое начальственное положение.

К тому же, она нацепила на нос не свои обычные, круглые, как у Леннона, очки, а довольно дорогой инструмент в фигуристой и не очень практичной оправе. Стекла у него были дымчатые, что придавало ее глазам странный блеск, словно вампирше, вышедшей на охоту. При всем при том, Стерх отлично понимал, что есть огромное количество мужиков, которым женщина с такими манерами и поведением должны нравиться больше всего. Вот

только он сам страдал от этого, и частенько не мог справиться с вспышками раздражения, которые иногда одолевали его при виде Вики. На всякий случай, он списывал их на счет ее напористости.

На миг она стащила очки с носа, чтобы он мог полюбоваться холодным, требовательным выражением ее глаз. Решив, что демонстрация силы завершена, она снова спряталась за ними, как за забралом.

– Ну, ладно, дражайший шеф, пора вставать, – высказалась она. – Не забывай, нам назначено у Прорвичей на десять.

Стерх поморщился, закатил глаза, изображая муку и злость одновременно, но понимал, что это ни к чему не приведет. Слишком по-деловому она была сегодня приодета.

– Вылезешь из своей кровати сам, или мне вытаскивать тебя за ноги? – спросила она, покусывая нижнюю губу.

– К черту, – подал голос Стерх, добавил громче: – К черту!

Через полминуты он все-таки собрался с силами и стал подниматься. Приняв вертикальное положение, осознал, насколько у него кружится голова. Дотащился до кресла, стоящего под торшером, сел в него, и посмотрел на Виду. Она не спешила выходить, скептически оглядывала его длинные, худые, волосатые ноги.

– И учти, опохмеляться не дам.

После этой убийственной фразы она все-таки ушла на кухню, и уже оттуда выдала следующий номер своей программы:

– Нет, в самом-то деле, на кой мне все это нужно?! Слияню, как только найду подходящее место...

– Ты обещаешь мне это уже года три, – отозвался Стерх.

Она тут же вернулась и поставила перед ним на журнальный столик стакан холодной воды, в котором шипела таблетка импортного аспирина. Посмотрев на нее, он закончил свой монолог:

– Может, мне принять участие в этих поисках? Может, уже сегодня подвернется...

С неподвижным лицом, как у индейца во время пытки, она пошла в соседнюю комнату, и Стерх услышал, как она убирает бутылку, потом протирает стол, хлопает какими-то папками. Выдвинулись и задвинулись какие-то ящики, потом она принялась шуровать у сушилки. Стерх знал, что его сопротивление сломлено, никаких протестов придумать он больше не мог. Поэтому, выпив зелье, поднялся и потащился в душ.

Закрыв на всякий случай полиэтиленовую занавеску, пустил воду, и с внезапным острым наслаждением стал натираться намыленной мочалкой. Когда пришла пора пускать холодную воду, внезапно дверь приоткрылась, и Вика, стоя в коридоре, совершенно спокойно спросила:

– Как вчера было... на Витуновском парти?

Протестовать и против этого вторжения было бесполезно, по крайней мере, сегодня утром. Поэтому, вздохнув, Стерх ответил:

– Отлично.

– Поляка с дочкой видел?

– Да.

– Они поженятся?

– Официального обручения не было.

– А девушка... Ньюра. Скандал пыталась устроить?

– Ее хватило только на то, чтобы свалиться разок без чувств.

– Тогда чего же Прорвич ждет от всей этой истории?

– Сущей мелочи – убийства.

Стерх закрыл воду, натянул на себя махровый халат, вышел в коридор, вытирая волосы капюшоном. Голова еще болела, но уже не кружилась.

– Прорвичи считают, что Витуновым не остается ничего иного, как решительно избавиться от девицы, избежав разрыва с поляком и возможного банкротства.

– А что считаешь ты? – спросила Вика.

Она ушла на кухню, где принялась звенеть чашками и банкой с кофе.

– Мне начинает казаться, что кое у кого есть еще более веские причины для этого убийства.

Стерх дотопал до кухни, уселся за привычный, знакомый до последнего пятнышка стол, и вытянул руку, ожидая свою утреннюю кружку.

– У кого?

– У Прорвича, – сказал, прихлебывая первый, слишком горячий глоток.

Стоя у плиты Вика чуть не уронила свою чашечку, из которой тоже пыталась отпить. Поставила ее на боковину мойки, взглянула на Стерха искоса, так она выражала свое удивление.

– Допускаешь, что Прорвич может грохнуть девицу и свалить все на Витуновых? Избавиться от конкурентов, и к тому же?..

– Самым надежным образом, – подтвердил Стерх. – Как думаешь, если Витуновых придержат в следственном изоляторе хотя бы полгода, какую часть их рынка отхватит Прорвич?

– Неплохая гипотеза, – согласилась Вика. – Но кое-что тут... «натяжно». Если бы Прорвич решил действовать таким образом, он не нанял бы детектива, который должен следить за каждым шагом девушки.

Стерх не ответил. То, что высказала Вика, было правильно. И нуждалось в обдумывании. Он поднялся, дотасился до своего стола в большой комнате. Тут, на кресле для клиентов, уже был разложен костюм, свежая сорочка, галстук, даже новая пара носков. Сбоку стояли начищенные после вчерашнего ботинки. Вика приготовила все.

Стерх поднял голову, посмотрел в сторону коридора. Там, как вихрь, пронеслась фигура с темной юбке, а потом из его спальни стали доноситься звуки убираемой кровати. Она делала для него гораздо больше, чем положено делать компаньону с мизерной зарплатой... Впрочем, Стерх решил простить себя, пообещав, что это происходит в последний раз. Как всегда с похмелья его начинало мучить недовольство собой, но по-настоящему это чувство еще не окрепло. К вечеру будет хуже...

А пока он принялся переодеваться, лениво раздумывая над тем, что сказала Вика. Да, в нашем славном отечестве, да еще в таком городе, как Москва, разумеется, существовало немало особ, легко соглашающихся «смолоть» деньжат таким промыслом, как убийство. И при некоторой сноровке можно было создать такую цепочку от заказчика к исполнителю, что никогда ни одно следствие не докопалось бы до правды. А это значило... Значило, что Прорвичи – отец и сын – желали поднать Стерха для того, чтобы иметь психологическое алиби хотя бы в глазах будущего следствия. И к сожалению, уровень этого следствия в восьмидесяти процентах был таков, что эта нехитрая, в общем-то уловка, неизбежно сработала бы.

Все-таки, это было как-то... сложновато. Не так, как обычно привык думать Стерх. Поэтому он покрутил головой, мельком еще раз убедился, что она не кружится, и нашел на столе часы. Застегивая брашлет, он выяснил, что было без двадцати минут девять.

Стерх любил начинать день в медленном темпе, любил поваляться в кровати, посидеть на кухне, ни о чем не думая, покуривая и прихлебывая стынувший кофе. Но разумеется, не в те дни, когда Вика вламывалась в его, скажем, крепость как орда захватчиков, как броненосец на рейд мирного порта, как лавина с горы. Он вернулся на кухню, вышел на балкон. С

высоты его девятого этажа открывался изумительный вид на Академический пруд, на Тимирязевский лес и на стадион «Наука», некогда главную базу регбистской команды МАИ.

Но сегодня вид, какого не имели в центре города самые крупные шишки, не радовал его. Солнце лилось с неба безо всякой жалости к тем, кто выпил вчера слишком много. И обещало жару, очень неприятную, позднеавгустовскую, какую-то слепую московскую жару. И так было уже почти неделю, без единого дождичка, хотя бы на пару минут.

Он вернулся за стол. С тоской посмотрел на бар, где должна была находиться бутылка водки. Твердо потряс головой, и закурил еще одну сигарету. Дело выглядело скверно, обещало быть сложным, путанным, такие никто не любит. Но он не мог отказаться от него. Потому что уже три месяца, с конца мая, не платил Вике за работу, и хотя в июле она уходила в двухнедельный отпуск, по договоренности, за него тоже следовало платить. А еще потому, что слишком хорошо, стоило ему закрыть глаза, вспоминал Ньюру, Ньюту... Анну. Ему было бы неприятно, если бы он не попытался разобраться в том, что Прорвичи с Витуновыми хотят сделать этой девушке.

Стянул с кресла галстук, вышел в прихожую, где на стене размещалось большое зеркало, попытался его завязать без складки в середине. Вика убрала постель, вышла из спальни.

– А какое впечатление оставляет эта... девушка?

– Кто? Полька?

– Я спрашиваю о... о той, что ждет ребенка.

Определенно, она уже научилась читать мысли Стерха. Это было плохо, все было плохо.

– Ньюра, Ньюта... Ньюта, кажется, ей больше подходит. – Он закончил с галстуком, как всегда, вышло далеко от идеала. – Если мы займемся этим делом, то потому, что она, – он посмотрел на Вику, – очень хорошая.

– Блондинка? – спросила Вика сразу же.

– С чего ты взяла?

– Некрупная, довольно фигуристая?

– Волосы светло-русые. А фигурка... Да, довольно приятная.

– Поэтому мы беремся за дело?

– Слушай, в нашей фирме допросы провожу я, у тебя для них не хватает квалификации, ты не забыла?

– Я так и думала, что если ты в это влезешь, то из-за девушки. – Вика кивнула, потом еще раз кивнула каким-то своим мыслям. – Но я считаю своим долгом напомнить, что на счету фирмы осталось всего-то пятнадцать тысяч триста два рубля. Что мы еще не заплатили налоги за первую половину года, и что таким образом финансовое положение этого зачуханного детективного агентства хромает на все четыре ноги. Не говоря уж о моем окладе и отпускных... – Вика прошла на кухню, и зашуршала пакетом. – Завтракать ты, конечно, не хочешь, но потом я заставлю тебя что-нибудь съесть, чтобы ты дотянул до вечера.

Стерх проводил ее мрачным взглядом. Собрал свою волю, и довольно спокойно ответил.

– Я бы съел сейчас пару яиц всмятку.

Он вошел за ней, глядя ей в спину. Она вдруг вытянулась, не оборачиваясь. Атмосфера между ними сделалась очень густой, как хороший кисель. Ему почему-то показалось, что она смотрит ему прямо в глаза, и даже не шурится, и эти дурацкие стекла очков делают их очень большими, ясно видимыми... Потом она вздохнула, и спокойно, не дрогнувшей рукой опустила два яйца в алюминиевый ковшик, в котором он варил себе яйца.

– Ни для чего другого у нас уже не осталось времени, – сказала она.

Запалила газ. Вода закипела быстрее, чем он ожидал, видно, набрала горячей. Он сел к столу.

– Где документы?

– Какие?

– На Витуновых. – Неожиданно он почувствовал, что раздражение, которое пытался подавить в себе с самого момента просыпания, берет верх. – Полагаю, ты не забыла, что я не могу толком оценить ситуацию, если лишен информации? Даже той, которую мы, с нашими скудными возможностями, способны отыскать в этом городе... Угнетать меня, ругать за лишний выпитый стакан «напарница» умеет. А вот выполнять свою работу, за которую действительно пока не заплачено, но которая от этого не остановилась на месте...

Вика вышла из кухни, сделав огонь под ковшиком поменьше, щелкнула ящиком его стола, вернулась и плюхнула перед ним здоровенную папку, в которой было подшито несколько листков бумаги.

– Все было готово еще вчера. Если бы ты думал о деле, а не о выпивке, то обнаружил бы документы в правом ящике письменного стола. Конечно, следовало оставить их на столе, но ты сам ругаешься, когда там лежит что-то кроме твоих книг. – Она подумала и добавила, уже не так сердито: – И бутылок. Но это уж не моя забота.

Стерх посмотрел на нее искоса. Поместил перед собой папку, раскрыл. Автоматически, как будто так и должно быть, получил первое яйцо, вставленное в пластмассовый стаканчик, разбил, отрезал хлеб, обжигаясь и почти наслаждаясь, стал есть. И читать. Глупо все выходило, уж он-то знал, что Вика никогда не забывает о том, что должна сделать. И что у нее было время, почти вся вторая половина вчерашнего дня. И потому она могла просчитать, что он потребует эту информацию с утра, с больной головой, в раздражении. Нет, ругаться явно не стоило. Он тряхнул головой, и попробовал понять, что читает.

Документы были получены, скорее всего, двумя путями. Из районного отделения налоговой полиции, где у Вики работала давняя подружка, и из экономического отдела газеты «Метрополис», на которую Стерх дважды работал, и довольно удачно. В эту газету Стерх едва не перешел на постоянную службу, потому что им требовалась оперативная помощь в журналистских расследованиях. Как он подозревал, они не потеряли надежду, что он обратится, и потому старались поддерживать хорошие отношения. Стерх рассчитывал, что это заблуждение продлится у них еще не один год.

Именно на листочке с логотипом «Метрополиса», полученном по факсу, Стерх вычитал что Витунов-старший, разбогатец на централизованных, и для России отнюдь не дешевых поставках одежды «секонд-хенд», в последнее время вдруг увлекся провинциальными рынками. И для полноценного контроля за своей империей стал вкладывать деньги в специализированные магазины, иногда проводя ремонты и расплачиваясь с местными правилами – читай, рэкетирами – с необъяснимым размахом. Таких магазинов в областных городах Витунов открыл шестнадцать, и еще с полсотни прилавков в районных центрах. А там, куда завоз его товаров был затруднен, например, на Украину и в Казахстан, приобрел неустановленное количество местных фирм, которые лишь по виду оставались под контролем прежних торгашей, а на деле уже давно управлялись из Москвы. Из документов, полученных от налогового управления, следовало, что казахские филиалы работали почти бездоходно, главным образом потому, что там, по-видимому, возникли свои рынки китайских товаров, более дешевых, чем покупаемые в Европе Витуновым. Из третьего листка, тоже полученного от налоговиков, Стерх понял, что последний год Витуновская корпорация пыталась наладить торговлю по каталогам для чуть более состоятельной части населения, но понесла серьезные потери, потому что народ в России не очень-то верил в торговлю по подписке, когда товар нужно получать позже оплаты. Четвертый листок давал представление о том, что Митяша чуть было не окончил заочный факультет Института легкой про-

мышленности, но был исключен за академическую неуспеваемость, и должен был загреметь в армию, но каким-то образом был признан белобилетником, с отсрочкой на три года. Не возникало сомнения, что Витунову-отцу этот... диагноз обошелся в кругленькую сумму, но особого криминала в этом Стерх не видел.

Он обнаружил, что сидит, уставившись в прочитанные бумаги, прожевав яйца в смятку с хлебом, и даже заглотив вторую кружку кофе, не разбирая вкуса. Потому что в его сознании все яснее проступала идея, что Витунов находился на пороге банкротства. Без какого-нибудь экстраординарного шага, или вернее, без немедленной финансовой поддержки, он мог считаться «спеченным». Даже если бы он обратился к банкам, те вполне могли принять «участие» в его положении, выделили бы кредиты, но... под такие проценты, что уже через несколько месяцев вся построенная Витуновым торговая система сменила бы владельца. Следовательно, оставался один поляк, причем не от хорошей жизни. Но ведь он-то не лопух, не дурачок, которого можно заманить исключительно на Витуновского сынка как мужа для дочери... И все-таки, он на что-то клюнул, что-то в построенной системе магазинов, или во всех этих бесчисленных прилавках, или хотя бы в торговле по каталогам ему понравилось... Вот только что? И еще следовало оценить – не было ли во всем этом какого-то другого, неявного смысла, который Стерх пока не постиг?

Он сосредоточился, закрыл глаза, откинулся назад, уперся спиной в холодильник, представил себе фигуру Витунова-старшего, рядом пририсовал поляка. Как его там? Да, пан Шагерински. В возникшей картине что-то было не так, что-то не играло, как говорят те же поляки. словно бы даже не Витунов, а Шагерински занимал подчиненное положение, словно бы именно поляк был просящей стороной... Но все могло измениться. Если возникнет скандал, если станет известно о слишком далеко зашедших отношениях Митяши с Ньюрой, если станет известно о шаткости всей выстроенной Витуновым корпорации.

Да, что возникнет тогда? Возможно, на первый план выдвинется Прорвич-старший, принявший на себя пока неясно какую роль? Может, перебьет цену, которую затребовал за свою дочь пан Шагерински? Или удовольствуется тем, что разделит недостроенные магазины Витунова, и забудет о поляке, как о прошлогоднем снеговике?

Внезапно Вика положила ему руку на плечо. Он открыл глаза. Она стояла, улыбаясь, кажется, впервые за все утро.

– Фирма набирает обороты, шеф. Новое дело. Звонит какой-то архитектор из Воронежа, у него исчезла невеста... Нет, не пропала без вести, а смылась, не объяснив причину разрыва. Он проследил ее путь сюда, в Москву и хочет продолжить расследование.

– На что-то еще надеется? – спросил Стерх, неожиданно радуясь Викиной улыбке. Потом стал подниматься. – Нет, для этого архитектора у нас нет времени.

– Но это может быть не менее выгодно, чем работа у Прорвичей, если все провернуть быстро... – зачастила Вика.

– Успокойся, – попытался притормозить ее Стерх. – Если мы договоримся с Прорвичами, то... Нет, я определенно не знаю, что мы можем для него сделать.

Вика повернулась на каблуках, протопала в комнату и уже оттуда Стерх услышал ее звонкий голос:

– Алло, вы еще у телефона?.. Рада сообщить, что господин Стерх заинтересовался вашим предложением. Сейчас мы не сможем вас принять, но если вы перезвоните вечером, или оставите ваш адрес и телефон, мы договоримся о встрече.

Потом в квартире стало тихо, на долгих-долгих четверть минуты. Потом Вика положила трубку на рычаг и вернулась к нему с прежней улыбкой. Она стала, пожалуй, немного шире. И в глазах за очками прыгали чертики.

Стерх вздохнул.

– Все, Виктория, пошли. Уже четверть десятого, ты же не хочешь опоздать к нашему будущему работодателю?

Глава 4

Большие часы над входом в офис Прорвичей, который находился в бывшем Доме кино, что на Краснопресненской, ныне превращенным в скопище самых разнообразных контор и представительств, показывали несколько минут после десяти, когда Стерх и Вика остановились перед дверями. Оба, не сговариваясь, оглянулись по сторонам, словно занимались тут слежкой, а не пришли на деловое свидание. Коридоры были пустынные, видимо в этот час все или еще не начинали работать, или уже были полностью поглощены работой.

Не постучав, Стерх вошел в довольно большую, обставленную мягкой мебелью приемную. Огромное окно, выходящее на какие-то не очень красивые, еще сталинской постройки дома, тем не менее давало достаточно света. Боком к окну сидела, кажется, настоящая блондинка, молоденькая, с непонятым выражением глаз, которые были излишне, по мнению Стерха, подведены тушью. Она читала стопку каких-то бумаг.

В воздухе возникла тишина, которую не захотелось ломать ни Стерху, ни Вике. Секретарша намеревалась делать это еще меньше, чем они. Когда Стерх сделал несколько шагов к столу, он обратил внимание, как беззвучны были эти шаги – по всему полу приемной было настелен новомодный ковролин строгого серовато-зеленого цвета. Блондинка мигнула, перевернула верхний лист пачки, и принялась читать следующий документ. Она не поднимала глаза на Стерха, даже когда он навис над ней, отбрасывая тень на край стола.

Она сидела прямо, как пианистка. Широкий ворот, словно чуть великоватый лепесток ладно скроенного светло-фиолетового платья подчеркивал тонкую, гладкую шейку, на которой не было ни бус, ни прочих украшений. Лишь серебряная цепочка уходила в острый вырез, видимо, на нем висел крест, а не дурацкий знак зодиака или кулон. Это понравилось Стерху больше всего. Волосы блондинки были зачесаны так, что на виски спадали совершенно естественные локоны. В общем, она выглядела отлично воспитанной девушкой. И сейчас была похожа на кинозвезду, изучающей будущую роль второго плана, за которую могла получить четверть миллиона долларов.

На столе также царил абсолютный порядок. Даже компьютер, что бывает в московских офисах очень редко, светился чистым стеклом монитора, а не вызывал в памяти инструменты для археологических раскопок, которыми этот монитор следовало очистить от трехмесячных, как минимум, наслоений пыли. Напротив девушки стояла небольшая табличка из темного плексигласа, на которой бронзовыми буквами была написано: Ивон Раиса. Стерх улыбнулся, ему понравилось имя.

Вика, наконец, потеряла терпение и начала покашливать. Вполне вежливо, но со значением. Стерх на миг пожалел, что вообще взял ее с собой, он любил, когда женщины перед ним играли великосветских дам. Наконец Рая подняла голову, и сделала это действительно хорошо – торжественно, чуть утомленно, без любопытства, но с ощутимым резервом вежливости. Глаза у нее были серо-зеленые, от которых мужчин и крепче Стерха могло бросать в трепет. Глаза эти строго осмотрели Вику, затем более холодно перекинулись на Стерха. Этот взгляд был похож на луч мощного прожектора зимней штормовой ночью, где-нибудь у скал Бискайского залива. Его можно было повторять движениями учительской указки.

Виктория, которой все эти игры в выжидания и гляделки надоели, выпалила:

– Нам назначено.

Голос ее вдруг стал похож на карканье нахохленной, вымокшей под дождем вороны.

Рая решила отказаться от дальнейшего обозрения Стерха, видимо уяснив, что он не Майкл Паре и не Дэвид Духовны. Она дотянулась до папочки, которую последнее время все чаще называли «органайзером», хотя на русском языке название имело весьма вольные

смыслы, и принялась неторопливо ее перелистывать. Через минуту, а то и дольше, она выговорила в пустоту за окном:

– Господин Прорвич информирован.

Подняла глаза на Вику, при этом выражение ее глаз было таким же, как при обозревании многоквартирных домов за окном. Стерху осталось только удивиться выдержке Виктории. Впрочем, молчание не затянулось, сладким, как мед, голосом она поинтересовалась:

– Может быть... мисс соблаговолит доложить по телефону, что мы уже тут?

Рая Ивон сдержанно улыбнулась и выпрямилась еще больше, что подчеркнуло ее почти невидимую под этим платьем грудь. Потом уже более откровенно окинула щупленькую фигурку Вики с головы до ног, и ответила так, что каждому становилось ясно – то, что она удосужилась ответить, было уже достаточно:

– Когда господин Прорвич надумает с вами переговорить, он сам позвонит.

Возникла пауза, секретарша воспользовалась этим и углубилась в свои бумаги. Причем ее зрачки забегали по строчкам, значит, она не играла занятость, а действительно вернулась к работе.

Стерх повернулся, подошел к широкому, с высоченной спинкой диванчику, и уселся на него с глубоким удовлетворением. Кожа, выкрашенная в темно-синий цвет, заскрипела под ним почти оглушительно. Виктория, проследив его путь взглядом, тоже подошла к дивану, и уселась, на расстоянии вытянутой руки. Она кипела, поэтому вытащила из портфельчика пачку «Кэмел» без фильтра, которые покупала блоками в каком-то полусекретном месте в Москве, и закурила. Говорить ей не хотелось, она подтащила пепельницу, поставленную сбоку от журналов, откинулась назад и закрыла глаза. Почему-то после этого вдруг стало слышно, как работает настенный кондиционер. И Стерх чуть не с благодарностью ощутил, что в приемной царит восхитительная прохлада.

За секретаршей висели часы, стрелки которых двигались неторопливо, но успели отсчитать шестнадцать минут, когда двустворчатые, обитые кожей двери в кабинет открылись и в них появился начальник конторы. Вернее, глава торговой империи. Не посмотрев на Стерха с Викторией даже мельком, он прошагал к секретарше и склонился над ней. Ситуация была однозначной, девушка молча двинула рукой, указывая на посетителей.

Прорвич-старший обернулся, посмотрел быстрым взглядом, и принялся копаться в каких-то бумагах, которые доставал из папки с надписью «Исходящие». И двери, и папки очень напоминали недоброй памяти прежние райкомы, в которых Стерху приходилось бывать. Наконец, Прорвич-отец завершил свой обзор документов и подошел к Стерху с Викторией.

– Отлично, что вы подождали меня.

Он подхватил один из узких стульев, стоящих по другую сторону от столика с журналами, выставил его, чтобы видеть обоих собеседников, и уселся верхом, выдвинув руки вперед. Стерх посмотрел на него, и вдруг широко разулыбался, изображая счастье видеть возможного работодателя, о котором уже кое-что слышал.

Прорвич выглядел как самый настоящий старорусский купец, для которого весь мир распахнул свои кладовые, вот только борода у него была не окладистая, а довольно коротко постриженная. Зато редкие волосы на голове были зачесаны так, чтобы скрывать обширную лысину, возникающую на затылке и заканчивающуюся перед самым чубчиком. Лицо у Прорвича-пэр должно было, по идее, возбуждать доверие. Руки, свисающие в сторону Стерха, были руками человека, который когда-то работал физически, с широкими ногтями, толстыми и красными пальцами. Но теперь они были ухоженными сверх всякой меры, и на них блестела огромная, чуть не в новую пятирублевую монету печатка, на которой что-то было выгравировано. Даже глаза у него были купеческие – маленькие, узкие у висков, темные, не меняющие выражения, на что бы они не смотрели. А вот костюм у Прорвича был

великолепный, темно-серый, в чуть светлую полоску, из настоящего английского твида, и покрой у него был в высшей степени консервативный. Все в этом человеке свидетельствовало о солидном и привычном добробыте.

И еще Стерх про себя отметил вот что – может быть, Прорвич и Витунов занимали разные секторы рынка, на которых сколачивали свои капиталы, может, по-разному понимали свои светские обязанности, но оба подходили друг другу, как два сапога.

Краем глаза Стерх посмотрел на Вику, теперь она сидела выпрямившись, на самом краешке дивана, и даже пепельница с ее окурком как-то отделилась вбок. Стерху не составляло труда догадаться, что этот человек ей не понравился, но она была готова демонстрировать вежливость и даже деловую любезность. Разговор начала она:

– Господин Стерх готов принять ваше предложение, если...

Прорвич поднял руку, оставил Вику движением ладони, и прогудел низким, слегка певучим басом:

– Значит, это вы были с моим сыном на сборище Витунова?

Но если Прорвич и думал, что знает женщин типа Виктории, то на этот раз он ошибся. Она не дала вывести себя из равновесия, а спокойно договорила:

– ...если вы примете наши условия.

Прорвич совершил своим массивным телом полуоборот и посмотрел на Вику. Целую минуту он присматривался к ней, потом опустил голову, и стало ясно, что Вика в целом не вызвала у него одобрения. Выражение его лица говорило, что он скорее думает о том, не пора ли поменять ковровин в приемной, чем о сидящих перед ним людях. Он снова обратился к Стерху:

– И как вы нашли старшего Витунова?

Неожиданно Стерх был избавлен от необходимости отвечать, потому что дверь в приемную широко распахнулась, и в нее со смехом, вызванным какими-то разговорами в коридоре, ввалился Прорвич-младший. С радостью и удовольствием он посмотрел на Вику и Стерха.

– Вот и хорошо, что вы пришли, – сказал он вполне искренне. – Когда вы вчера неожиданно исчезли в неизвестном направлении, я уже подумал, что наше предложение вас не заинтересовало.

– Неужели? – невыразительно пробормотал Прорвич-пэр. Для него было необычным делом осознать, что кто-то может не принять предложение фирмы Прорвичей.

– Что вы вообще думаете об этой истории? – спросил Велч, издали поклонившись секретарше и остановившись у плеча отца.

– Прежде всего, – начал Стерх, – мне странно, что вы рассматриваете Витуновых как... людей, которые способны учинить что-нибудь, скажем так, нелегальное. Исключая, разумеется, неуплату налогов.

Прорвич-старший посмотрел на Стерха, пожевал свои мясистые губы, потом оглянулся на секретаршу. Та, не поднимая голову, встала, стянула какую-то папочку с подставки под монитор и легко направилась к двери. Когда она вышла, главный начальник проговорил:

– Почему вы считаете убийство чем-то неправдоподобным?

– Не вижу мотива, вернее, нахожу приведенный вами мотив недостаточным. Даже Витунову не справиться со скандалом, который возникнет, если кто-то увяжет убийство этой девушки с его именем. Кроме того, мы живем в довольно безалаберное время, такой вот «холостой» грешок Митяши никто не посчитает экстраординарным. Скорее, наоборот...

– Стерх, позвольте мне привести некоторые факты, – пророкотал Прорвич-старший. – Недавно я прочитал в журнале статью некоего сексолога, или невропатолога, не помню точно, который свидетельствует – инфантильные молодые люди, когда их подружки беременеют, перестают ими интересоваться. Они переносят на этих девушек представление о

«мировом материнстве», как выразился тот профессор. И спать с ними становится попросту невозможно, потому что это является чуть ли не инцестом с собственной матерью, понимаете? – Он оглядел Стерха и качнулся, не поворачиваясь к Вике ни на сантиметр. – Кроме того, они выбирают довольно нерациональную схему, так сказать, возврата к прежнему положению вещей, в случае, если девушки отказываются от аборта. Это очень серьезное явление.

Пока он говорил, Велч сходил в кабинет и вернулся оттуда с папочкой, похожей на все остальные папки в этом офисе. Но когда он раскрыл ее и подал отцу, тот стал вычитывать из бумаг, вложенных в нее, вещи не совсем обычные.

– Виктор Лобовской из Пскова столкнул свою подружку с лодки в озеро, когда она отказалась делать аборт. На следствии он сказал: «она была не в моем вкусе, все равно не смог бы с ней жить». Лейтенант Герасим Мышеватов, служа в Чите, задушил девочку шестнадцати лет, когда узнал, что она ждет ребенка и хочет выйти за него замуж. Объяснение – «она могла помешать карьере». Дмитрий Яковлев, двадцати двух лет, сын очень богатых родителей, занимающийся дизайном, задушил свою секретаршу, двадцати лет, компьютерным шнуром, когда стало ясно, что ему придется платить алименты на ребенка, которого он ей нечаянно сделал. Его слова – «это не давало мне работать». Михаил Жданов из Таганрога убил свою подружку топором, на следствии плакал и повторял только одно: «это не понравится моей маме».

Прорвич-старший захлопнул папку и, не глядя, сунул в руки сыну.

– Я попросил одно агентство просканировать информацию по этому поводу, и они нашли только за этот год восемнадцать сообщений в прессе о подобных случаях. Восемнадцать, Стерх! Если бы вы внимательнее читали всякие сводки с настоящей уголовной хроникой, вы бы не говорили, что мотив выглядит неубедительным.

Стерх посмотрел в окно. Он тоже читал эту статью об инфантильном отношении к беременности своих подружек некоторых молодых людей, и тогда она показалась ему интересной в теоретическом плане. Он не ожидал, что ее заметит кто-то еще, тем более такой человек, как Прорвич. И почти тотчас его стало одолевать воспоминание о той идее, которую он уже высказал Вике, что Прорвичу было бы очень удобно, если бы убийство Нюры произошло в семействе Витунова. Уж слишком настаивал Велч, что у Витуновых нет другого решения проблемы, слишком уж были старательно подобраны эти материалы, слишком все это пахло затеей самих Прорвичей. А ума, по крайней мере, у старшего из них, вполне хватит, чтобы спланировать и устроить это предумышленное убийство. Разумеется, направленное прежде всего против Витуновых, и никого иного.

Голос Велча вывел Стерха из задумчивости:

– Ну, господин частный сыщик, что ты думаешь по поводу сказанного? Не кажется ли тебе, что все это может оказаться правдой? И убийство состоится?

Прорвич-старший вздохнул и потер палец под печаткой.

– Должен признаться, что план будущего убийства – идея фикс только моего сына. Я тоже полагаю, что вряд ли Витуновы зайдут так далеко. В это трудно поверить, хотя бы рассмотрев, как следует, эту девушку – она вовсе не выглядит непослушной упрямницей... Но если он хотя бы случайно прав, или Витуновы задумают другой вид преступления, скажем, насильственный аборт, я хотел бы помешать. Поэтому, в сущности, мне нужны лишь доказательства, годные для суда, что Витунов-младший поддерживал отношения определенного рода с этой девушкой. И разумеется, что она беременна. Думаю, для моей игры против них этого будет достаточно. Видите ли, он оказался в дурацком положении, вколотил все оборотные средства в эти магазины...

– Меня информировали, – проговорил Стерх почти ненароком.

Тут же Вика подала ему скоросшиватель, который, конечно, не шел ни в какое сравнение с папочками, имеющими оборот в офисе Прорвичей, но Стерха это не смутило. Он попереворачивал страницы, а потом спросил:

– Вот что меня интересует – почему Витунов, довольно опытный... купец, вдруг так неэффективно просядил оборотный капитал на этих магазинах?

– Это объясняется, – медленно, чуть опустив голову проговорил Прорвич-старший, – особенностями развития торговли в нашем славном отечестве. В последние годы, в поисках долговременных связей, многие... купцы двинулись в сторону провинции. Что бы не писали всякие маркетологи, там есть деньги, к тому же, покупать одежду люди будут всегда. Поэтому Витунов попытался обойти посредников, которые возникают при торговле с провинцией через «челноков». Понимаете, кто-то привозит какое-то шмотье в Россию, кто-то переправляет его на рынок, кто-то держит сам рынок и накладывает свои местные... поборы. Вот их всех он и попытался обойти. В целом, идея правильная, она неизбежно сработала бы, будь у него больше времени. Или больше денег.

– Это я понимаю. Я не понимаю почему он так... увлекся, что позволил себе лишиться собственных оборотных средств?

– Витунов играет ва-банк. В его положении это более естественно, чем, скажем, в нашем. – Он поднял голову и посмотрел на сына. – К тому же, ему повезло в самом начале. Торгуя «секонд-хендом», он вложил в них с самого начала довольно большие суммы, наладил перевод безналичной валюты в легко возвращаемые деньги за продажу своего тряпья тут, в России... И «проскочил» тот момент, когда следовало бы притормозить. Думаю, он рассчитывал на курсовой рост доллара, за который покупал товар там, а когда этот рост стал замедляться, и динамика доходов упала, он уже не мог, просто не имел такой возможности – приостановить эти вложения в свои торговые дома.

– Кроме того, – вмешался Велч Прорвич, – он рассчитывал, что его схема банковских наворотов за перевод безнала в нал будет выгодна постоянно. Сейчас эти операции перехватывают банкиры, и ему вместо дохода приходится за эти операции платить... Кстати, разрабатывая провинцию, он надеялся, что там в банках сидят более... умеренные люди. К сожалению, получилось наоборот, расценки там выше. К тому же, и распыление средств приносит свои убытки. Это главная причина, почему в провинции пока не заработали торговцы из центра.

Стерх посмотрел на Прорвичей, он не заметил, что склонил голову на бок, словно старательный ученик на лекции по непонятному предмету. Это заставило Прорвича-старшего раздвинуть губы в подобие улыбки. Он продолжил, посмотрев на папку в руках Стерха:

– Я подозреваю, что о фирме Витунова вы информированы достаточно. А знаете ли что-нибудь о моей ситуации?

Стерх посмотрел ему прямо в глаза и тоже улыбнулся. На самом деле в метро он просмотрел информацию о Прорвичах, и осознал, что их положение тоже не внушает доверия, скажем, в долговременной перспективе. Они слишком положились на западный опыт продаж, полагая, раз люди в России имеют белый цвет кожи, то ничем не отличаются от европейцев. А они отличались, и каталожные распродажи оказались у нас гораздо дороже, чем они планировали. К тому же, судя по всему, их предприятие упустило время. Чтобы вклиниться во все более конкурентную торговлю одеждой, приходилось все больше платить. И уже сейчас, чтобы повторить попытку Витунова с постройкой магазинчиков и перекупкой прилавков, следовало запустить в дело такие суммы, каких не было, пожалуй, ни у Прорвичей, ни у Витунова, ни скорее всего, у них всех, включая поляка.

Согласно полученным от «Метрополиса» сведениям, доходы им давала только торговля кожей и дубленками, и то, конкуренция со стороны челноков турецкого и греческого направления все усиливалась. Это значило, что Прорвичам следовало или менять стратегию,

может быть, на более удачную, как пытался сделать Витунов, или искать другой сектор приложения активности.

Он ничего не ответил, это было излишним. Даже глупо, потому что разговаривший человек, слушающий самого себя, неизбежно расскажет больше, чем хочет. А Прорвич-пэр именно разговаривал, сейчас это ему нравилось, он был, так сказать, в ударе...

И вдруг Прорвич-старший тяжело поднялся со своего стула. Он отказывался говорить о своей фирме, он просто решил оставить все, как есть. Стерх его недооценил, и весьма изрядно. Впрочем, для самого оговариваемого дела это значения не имело, просто любопытство разыграло... Но как разыграло, так и «завязло».

– Что же, – прогудел главный тут начальник, – принимайтесь за дело, молодой человек.

Стерх поглядывал на Велча, ему показалось, что свое любопытство он сможет удовлетворить через младшего начальника, то есть, он продолжал размышлять... А вот Вика улыбнулась, она не желала подыгрывать Прорвичу-старшему, и это не потребовало от нее даже особенного напряжения.

– Мы еще не оговорили наших условий, – сказала она ровным голосом.

– Каковы же они? – поинтересовался Прорвич-пэр уже в дверях кабинета.

– Выплата нам четырехсот двадцати долларов невозвращаемого гонорара, – холодно проговорила Вика. – Из расчета сорока долларов ежедневно для господина Стерха, и двадцати долларов моего участия, при расчете, что работа должна быть проделана в течение недели. Если и после этого вы захотите продолжать расследование, то цена за каждый последующий день упадет на треть, до сорока долларов ежедневно за нас обоих.

Прорвич-старший посмотрел на Вику, чуть прищурившись, и проговорил с очевидной иронией в голосе.

– Полагаю, что за названный вами гонорар господин Стерх должен работать целый год.

– Не совсем вас понимаю, – нахмурилась Вика.

– Ладно, скажу откровенней, – решил Прорвич-пэр. – Послушайте меня, девушка, за названную вами сумму я могу выписать целый отряд пинкертонов из Нью-Йорка, и даже еще на чай для них останется.

– Конечно, – Вика встала, одернула юбку, подхватила свой портфельчик, – вам этого никто запретить не может. Особенно, если вы найдете пинкертонов, который хотя бы на десять процентов знают Москву, как мы.

С этими словами она легко зашагала к двери, даже не повернувшись в сторону Прорвича-младшего. Стерх чуть развел руками и поднялся.

– Минуточку, – почти возопил Велч, сделал жест, словно мановением руки пытался удержать Вику на месте, и посмотрел на отца.

Тот нахмурился, потом вздохнул и отчетливо крикнул.

– Ладно... Разумеется, я хотел бы, чтобы вы на меня работали... Знаете, у вас недурная школа. Вы не работали в какой-нибудь... более разносторонней фирме?

– Как вы уже, наверное, поняли, основную часть... ремесла принял на себя в нашей фирме господин Стерх.

Стерх выслушал эту реплику Вики с тайным потрясением. Но сдержался, повернулся к Прорвичам, кивнул и стал ждать, потому что была их очередь реагировать.

– В ментуре? – спросил Прорвич-младший. – Или... в бурении?

– В прокуратуре, – ровно ответил Стерх.

– А потом вас выгнали?

– Сам уволился, – ответил Стерх. – В восемьдесят девятом. Тогда разгоняли многие команды.

– Мне показалось, – медленно и нехотя признал Прорвич-старший, – вы на самом деле профессиональны. Но вот цена...

Внезапно на столе секретарши зазвонил телефон. Прорвич-сын подошел к нему, поднял трубку.

– Фирма Прорвича, вас слушают. – Он помолчал. – Да, это я... Повтори, что ты сказал?

В комнате стало очень тихо. Даже шум кондиционера стал какой-то сдержанный. Наконец, Велч положил трубку.

– Я утверждал это с самого начала, – с удовлетворением проговорил он. – Митяша со своей пассивностью уезжает куда-то на юг.

– С этой... Магдаленой? – спросил Прорвич-отец.

– Полька куда-то слиняла сегодня поутру. Кажется, улетела домой. Нет, он уезжает не с ней.

Стерх медленно набрал воздуха в легкие, потом выдохнул:

– С Нюрой?

– С Анной Николаевной, – кивнул Велч, – если полностью.

Стерх медленно прошелся по приемной, остановился у окна. Все, что он думал об этом деле прежде, отошло на второй план. Сейчас смертельная опасность нависла над девушкой, которая об этом не подозревала, и он мог, если постарается, остановить эту угрозу.

– Ладно, – проворчал Прорвич-отец, – принимайтесь, Стерх, за работу. Надеюсь, вы выполните ее хорошо.

Стерх посмотрел на него так, словно забыл, где находится, и почему тут присутствуют люди. Этим решила воспользоваться Вика.

– Я приготовила две копии договора, который мы обычно заключаем с нашими клиентами, – она вытащила из портфельчика новую папочку. – Вы согласны подписать его?

Вежливо подала бумаги Прорвичу-отцу. Тот посмотрел на нее, как взбешенный тигр, его привычная выдержка изменила ему. Потом, не читая, дошел до стола секретарши, выдернул из письменного прибора ручку.

– От кого ты получил эту информацию? – спросил Стерх Велча.

Тот потряс головой.

– Стерх, это тебя не касается. Не мы тебе, а ты нам должен поставлять информацию, не так ли?

– Чтобы в будущем не возникло недоразумений, – отозвался Стерх, – следует признать – мы сможем работать, только если наши отношения будут основаны на взаимном уважении.

– Молодой человек, – проговорил Прорвич-старший, передавая подписанные бумаги Вике, – оставьте эту риторику. На основании заключенного договора вы всего лишь мой подчиненный, и не больше.

– Прошу прощения, – заговорила Вика, – но вы ошибаетесь, господин Прорвич. Если бы вы прочитали договор, вы бы нашли там клаузулу, согласно которой мы, как одна из сторон, можем отказаться от выполнения взятых обязательств в любую минуту. Разумеется, с последующим перерасчетом гонорара и прочих сумм.

– Ну, так кто выдал тебе эту информацию? – спросил Стерх.

Велч Прорвич пожал плечами, посмотрел на отца, а тот сделал жест, означающий, что ему не нравится этот вопрос. Потом посмотрел на Вику, вздохнул, и вдруг голосом на октавы ниже, чем прежде, пророкотал:

– Может быть, это ничему не помешает... В общем, я поддерживаю у Витунова одного человека. Он шофер, садовник, охранник, и разумеется, по моей просьбе – друг Нюры, о здоровье которой мы тут так печемся. – Он помолчал. – А теперь, ради Бога, начинайте работать, девушка.

– Сразу же, – легко улынулась Вика, – как только получу оговоренный гонорар на ближайшую неделю.

Прорвич-старший поднял глаза к потолку. Вздохнул, достал из внутреннего кармана бумажник, и стал отсчитывать купюры, выкладывая их на стол секретаря. После каждой бумажки он косился на Вику, словно она должна была в какой-то момент схватить их и побежать к двери.

Когда названная сумма была, наконец, отсчитана, он проследил, как Вика спрятала деньги в портфельчик, и насупленно, недовольно спросил:

– Кстати, девушка, вы не думали о смене профессии? Если такая мысль вас посетит, я мог бы найти что-нибудь в моей фирме.

Вика на миг замерла, потом вполне торжественно отчеканила:

– Это мило слышать... Но нынешняя работа меня совершенно устраивает.

Стерх не поверил своим ушам, впрочем, сегодня он часто удивлялся, и ему все время приходилось скрывать это удивление. И разумеется, был доволен, что сегодня не он пал жертвой несгибаемой воли своей напарницы, а кто-то другой.

Прорвич-отец еще раз обвел взглядом фигурку Вики с головы до ног, потом изобразил на лице улыбку.

– Господин Стерх, ваша партнерша по бизнесу имеет острый язык.

Стерх только вздохнул с пониманием. А Вика была бы не Викой, если бы не ответила:

– Иногда я еще затачиваю его таким маленьким напильничком.

После этого сделала странное подобие реверанса, и уже не оборачиваясь, двинулась к дверям из приемной. Стерх тоже наклонил голову, прощаясь, и пошел за ней, стараясь спиной показать, что на свете, кроме этих Прорвичей, есть как минимум еще пара очень деловых и профессионально умеющих торговаться людей. Разумеется, главным образом, он имел в виду Вику, хотя и себя немножко тоже.

Глава 5

Вика отправилась к себе, а Стерх вернулся домой. Где стал вбрасывать в дорожную сумку разные вещи, чтобы хватило на три дня, не больше. Сейчас ему оставалось только следовать за Митяшей, куда бы он не «намылился». Все остальное приходилось на волю случая.

Когда он думал над принятым делом, то ощущал на лице какое-то онемение. Слежка за Митяшей могло продлиться дни, даже недели, и включая подвижность этого вполне обеспеченного молодого человека, могла растянуться на сотни километров. А вот Стерху помешать могло все что угодно, например, дорожная авария. И это сделало бы слежку невозможной, а самого Стерха совершенно бессильным перед обстоятельствами.

Когда он застегнул сумку, он прошествовал к своему столу и из нижнего ящика достал иностранный паспорт. Минутку подумал и набрал номер Вики.

– Не забудь иностранный паспорт, – прокаркал он ей, когда она подняла трубку на том конце линии.

– О Господи, ты думаешь, он везет ее за границу?

– Он может отправиться в Чехию, или в Польшу, или в Турцию.

– А если они выбрали страну, куда нужна виза?

– Не думаю. Иначе бы он побеспокоился о получении визы и для Ньюры, а этого он не делал. – Помолчал мгновение, добавил: – Прорвичи нас предупредили бы, им донес бы их человек в доме Витунова. А они об этом не знали, следовательно, Европа нам не грозит.

– Жаль, – вздохнула Вика и тут же сменила тон: – Я поняла, подготовлюсь.

– И вот еще что... – отозвался Стерх.

– Нет, – тут же заговорила Вика. – Я не позволю, чтобы ты испортил мне эту поездку.

– Я только хотел сказать, чтобы ты не забыла вытащить из своего портфеля деньги, которые выдали Провичи. И обменяла хотя бы сотню. За неимением расходных, придется пока платить из гонорара.

– Ах, это... – она была, кажется, на нервах. – Конечно.

– Я буду у твоего дома минут через сорок.

Он положил трубку, посидел в молчании. Нет, это определенно не была работа, которая его воодушевляла... Для временного успокоения он решил считать, что взялся за нее не только из-за Ньюры, а из-за денег тоже, тем более, что утром все получилось довольно удачно. Ему был нужен этот гонорар, ему были нужны эти четыреста с чем-то долларов.

По размышлению, он вытащил из ящика свой револьвер, «Хиггинс-88», облегченный девятизарядник с укороченным стволом, к которому подходили мелкашечные патроны, и который, тем не менее, был почти так же хорош, как и большие револьверы. Это был второй ствол Стерха, первым, как обычно бывало, считался ПМ, который он решил на этот раз оставить в обычном для него тайнике. Револьверчик был хорош в быстрой пальбе, как говорили стрелки, по ощущению, разумеется, на небольших дистанциях. Но для метров семидесяти или больше и ПМ не подходил. Как эта американская пушка попала в Россию, Стерх, разумеется, не знал, свою «машинку» он купил в оружейном магазине напротив зоопарка еще полтора года назад. Потом он достал оригиналы лицензии на оружие и лицензию частного охранника, которая давала право на ношение пулевого оружия при себе.

Россия была такой страной, где очень неохотно передавалось в руки простым гражданам что-то, что могло сойти даже за чисто оборонительное оружие. С высоких постов, как и во все времена, это объяснялось тем, что оружие было слишком опасно, и что в тех странах, где, якобы, оно свободно продавалось, преступность была гораздо выше, чем в тех, где

«стволов» не было на руках граждан. Как будто именно наличие оружия определяло преступность...

Оружие не продавалось свободно и в странах Европы, где преступность была низка изначально, но вовсе не по отсутствию пистолетов в открытой продаже, а потому, что государство сумело обеспечить своим гражданам куда более высокий жизненный уровень, достигаемый честным образом, чем посредством любой преступности, кроме, разумеется, беловоротничковой, например, банковскими махинациями, жульничеством в сфере финансов, инвестиционных вложений и прочего в том же духе. В России же, где каждый урка, вышедший из тюрьмы мог купить пушку на Рижском рынке или у частного оружейного контрабандиста, приезжающего раз в две недели из Прибалтики, оружие могло сохранить немало жизней, просто потому, что ничто другое не обеспечивало безопасность граждан – надежда на милицию или какие-то прочие государственные учреждения была так же слаба, как на творческий полет мысли у Ельцина или честность его дочерей. Но оружие все равно не продавалось... потому что «повышало» преступность.

Отыскав коробку патронов, заправив их в барабан, Стерх прошелся по квартире, поставил ее на сигнализацию, подхватил сумку и вышел. Теперь ему предстояло еще одно испытание. Он должен был завести свою дряхлеющую «Ниву». Которую, к тому же, умел водить с техникой среднего «чайника», то есть, для детектива – едва-едва. А потому и не любил ездить на ней. Но сейчас был особый случай, он мужественно открыл ее, проверил наличие двух канистр за задним сиденьем, и тронулся до ближайшей заправки. Там он залил полный бак, почти не расплескав бензин, наполнил канистры, и почувствовал себя готовым ко всему, что следовало сделать.

Заехав за Викой, которая уже ждала у подъезда, он проверил маршрут по карте, и отправился к южному берегу Учинского водохранилища, где располагались владения Витуновых. Именно оттуда, скорее всего, и должен был стартовать Митяша.

К счастью, не заблудившись, они нашли дом Витуновых почти сразу, и Стерх припарковался неподалеку от остановки, на которой его вчера на обратном пути подобрал автобус. Непонятное строение из стеклянных «кирпичей» неплохо закрывало его машину, что в этой безлюдной местности было необходимо.

После разговора у Прорвичей прошло уже больше часа, но Стерх рассчитывал, что они с Викторией оказались оперативнее, чем Митяша с Нюрой. Зато теперь его стало раздражать солнце, разогревающее их машину. Чтобы меньше бросаться в глаза, в свое время он выбрал темно-синий, почти черный цвет, и сейчас это давало знать. Вика это тоже почувствовала. Она завертелась на сиденье, потом выскользнула на миг из машины и оглядела окрестности в бинокль, который выволокла из своей сумки.

– Километрах в трех отсюда есть деревья, а под ними небольшая забегаловка. – Стерх посмотрел на нее непонимающим взглядом. – Нам все равно придется покупать еду на дорогу и воду... Таблетки я взяла с собой.

Стерх сдался, вздохнул и повел машину к забегаловке. Тут на самом деле было прохладней, вот только от замечания о еде у Стерха в желудке поднялась волна отвратительной слабости. Но Вика не настаивала на немедленном обеде, она лишь накупила каких-то пончиков, булочек, сосисок и высоких бумажных стаканчиков с салатом. Пластмассовые вилки и ложки она взяла с собой из дома.

Вяло последив за этой активностью своей компаньонки, Стерх откинул сиденье, возлег на него, как в самолетном кресле, выволок с заднего сидения солдатскую панаму, которую иногда использовал, чтобы было не видно его лицо в машине, и попробовал подремать. Сначала, как всегда в таких случаях, ничего не получалось, но вдруг он понял, что спит, потому что ему снился сон. Это был неприятный сон – он стоял на берегу широкой реки, которая блестела под солнцем, как лента металлической фольги, и кто-то в сотне метров от

него тонул, поднимая вверх слабые руки... Он искал лодку, но ее, конечно, не было, и тогда он стал раздеваться, хотя отлично знал, что доплыть до тонущего, скорее всего, не успеет...

Вдруг рядом с ним хлопнула дверца машины. Он раскрыл глаза и стащил панаму, это была Вика, она держала бинокль. И трясла его другой рукой за плечо.

– В путь, дорогой шеф. Они выезжают.

Стерх завел машину, развернулся, и лишь тогда увидел, что в полутора километрах впереди на пустынной дороге появилась белая «Вольво», которая направлялась к Пушкино. Краем глаза Стерх взглянул на часы, было четверть второго, он спал почти час. После этого Стерх попробовал догнать машину, висящую впереди, как мираж. Он приблизился к ней, когда она сбавила скорость перед въездом в Пушкино, а совсем близко пристроился уже на Ярославском шоссе. Больше всего его волновало, правильно ли Вика определила машину Митяши.

Вика тем временем не выпускала из рук бинокль и пыталась рассмотреть водителя. Наконец, когда Стерх и сам все отлично увидел, она сообщила:

– Один молодой человек, темный блондин, и светло-русая девушка с ним. Она смеется и все время пытается его поцеловать.

Стерх вздохнул, у него немного отлегло от сердца. Он не мог бы узнать Митяшу со спины, но с чего бы тот стал хитрить? Витунов-младший не мог догадываться о том, что за ним ведут слежку, не должен был догадываться... По крайней мере, пока. А вот догадается ли вообще, зависело теперь, скорее всего, от умения «топтаться по следу» его самого и Вики. Хотя, с этим, скорее всего, проблем не будет. Что-что, а «топтунами» они за последние два года стали вполне квалифицированными.

«Вольво» Витунова перестроилась вправо лишь у самой Кольцевой, Стерх оставил между собой и «Вольво» две машины, он ожидал, что Митяша выйдет на Кольцевую. Но тот вдруг сменил ряд, и пошел по центру дороги, впрочем, не очень торопливо. Стерху пришлось подрезать какой-то грузовик, тянущий свой фургон сзади, и он, представив, какие проклятья в его адрес высказывает водитель грузовика, поежился. За такие вот трюки он и не любил автомобили, все могло кончиться прямо здесь и сейчас – грузовик заехал бы ему по задку, пришлось бы останавливаться, и след Митяши безвозвратно потерялся бы... А впрочем, кто сказал, что пришлось бы останавливаться? Он вполне мог списать это столкновение за счет Прорвичей. Эта мысль расцвела в его вялом сознании как экзотический цветок. Он даже должен был продолжать преследование, не обращая внимание на грузовик... Вот только он выдал бы себя с головой, если Митяша умеет читать дорогу позади своей машины. Что ни говори, а внимание на это столкновение он непременно обратил бы, а тогда уже только отпетый остолоп забудет тачку, которая не останавливается после столкновения, и гонит, гонит за ним, следуя по пятам.

В Москве Митяша дотащился до Садового кольца, повернул на Колхозной направо, и пошел в левом ряду в сторону Самотеки. Миновали эстакаду перед Цветным бульваром, потом чуть притормозили у Маяковки, тут всегда водители немного сбрасывали скорость, должно быть, психологически, перед въездом в тоннель, потом проскочили площадь Восстания, Смоленскую, вышли на Крымский мост. Между «Вольво» и Стерхом все время было три-четыре машины. Стерх надеялся, что для маскировки этого хватит, хотя понимал, что опытный человек уже «считал» бы его как преследователя... И вдруг подумал, что сам не отслеживает машины сзади. Он проверился пару раз, но лениво, уж за ним-то следить не должны. Это странным образом успокоило его – если он не следит за своим «хвостом», то и Витунов-младший не должен был делать этого.

На Серпуховке они свернули на Люсиновскую, вышли на Варшавку, и темп гонки возрос. Машин тут было меньше, их сверкающие на солнце крыши уже не образовывали подо-

бия большой и неаккуратной брусчатки впереди, поэтому Митяша газанул, хотя и не очень решительно.

Вышли из города, и по прямой, уже не стесняясь, рванули на юг, строго на юг. Стерха всегда интересовало, почему это шоссе, направленное совсем не на Польшу, называют Варшавским, но выяснить это ему не удавалось – то он забывал, то книг подходящих не подворачивалось под руку, то было лень. Миновали боком Подольск и чуть сбавили скорость, шоссе было не в том состоянии, чтобы соревноваться в живучести моторов. Стерх чуть отпустил Митяшу вперед, на этих ухабах и колдобинах его «Нива» давала слабое, но преимущество. Потом проскочили Оку, Стерх приблизился на всякий случай к Митяше, но предосторожность оказалась излишней, как только они съехали с моста, тот снова поднажал, и снова на юг.

– Куда они едут? – неожиданно спросила Вика.

Стерх лишь посмотрел на нее. Она сидела, расслаблено поглядывая вперед, шурша картой на коленях своих джинсов. Она чуть наклонилась к нему, стараясь вычитать что-то ей одной интересное в его глазах.

– Фокус в том, сколько это продлится. – Неожиданно Стерх почувствовал, что уже начал уставать. – Вся эта история вообще чистая авантюра... Вот только не знаю, с нашей стороны, или от Прорвичей тоже.

– А Витуновых?

Вопрос Вики остался без ответа. Стерху приходилось слишком сосредоточенно работать. И лучше было не отвлекаться.

Час проходил за часом. За Тулой начался небольшой дождик, но он почти не заставил Митяшу сбросить скорость, а вот Стерху приходилось нелегко. Он даже пару раз заюзил, меняя рядность, пытаясь оставаться за какими-нибудь попутными машинами. Как ни странно, теперь он чувствовал себя довольно уверенно, только очень болели глаза. Блеск солнца лился на асфальтовое покрытие, и отбиваясь от него, как от серого зеркала, слепил не хуже дешевого компьютерного монитора.

Когда миновали Орел, Вика, наконец, не выдержала, и принялась шуршать своими пакетиками. Насытившись, она стала вздыхать, удовлетворенно откинувшись назад. Прошел еще час. Стерх лишь покосился на нее, когда она спросила:

– Хочешь, я поведу немного? – Помолчав километров пять, она сделала еще одно предложение: – Могу разжевать тебе немного булочек. С сосиской.

– Мы не настолько близки, мадмуазель. – Стерх сам испугался своего голоса – хриплого, прерывистого, с непонятным присвистом.

Лучше бы он этого не говорил. Вика немедленно обеспокоилась.

– Я взяла таблетки с кофеином. Хочешь попробовать? Почти чистый тоник...

– Нет, он ведь тоже не железный.

Не доезжая до Курска, в городке под странным названием Фатеж, Митяша, наконец, стал притормаживать. Было уже без чего-то шесть. Он заехал на автозаправку и наполнил бак. Потом отъехал на стоянку и, подхватив Ньюру, вошел в кафе с названием городка, в котором они оказались.

Стерх решил не волноваться по пустякам, подъехал к той же заправке, выбрав колонку подальше от окон, залил бензина, которого в его баке тоже оставалось километров на сто, не больше, и послал Вику за свежей едой. Пока она ходила, он принялся было за очерствевший в душной машине хот-дог, но едва сумел проглотить одну сосиску, кетчуп на которой превратился в подобие застывшей крови.

Впрочем, подвигов в способности перемалывать еду от него не потребовалось, Вика вернулась очень быстро, и принесла двойную порцию шаурмы на бумажной тарелочке, такую же тарелку, только с одинарной порцией, себе, пачку салфеток, и главное – две

бутылки воды и пластмассовую баклажку тоника. От тоника Стерх отказался, а вот вода пришлась в самый раз. Он сумел даже прожевать шаурму, стараясь не думать, из какого мяса ее приготовили.

Потом он устроился на сиденье, как и перед домом Витуновых, чувствуя, что сил у него осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы натянуть на лицо панаму. Глазам стало чуть легче, зато проявилось онемение в правой ноге, которой он вынужден был все эти часы давить на газ. Полежал, вышел и вылил немного воды себе на шею, давая ей стечь за ворот рубашки. Удовольствием это оказалось сомнительным, потому что ткань теперь неприятно липла к спине и груди.

Вика принялась обмахиваться картой, расстегнув свою кофточку чуть не до пупа, продемонстрировав Стерху тонкий, телесного цвета бюстгальтер. Но сейчас это никого из них не интересовало.

– Солнцезащитных очков тут не видела? – спросил он.

Вместо ответа Вика порылась в сумке и вытащила свои, крохотные, в стальной оправе.

Стерх попробовал натянуть их на нос и уши, они давили.

– Можешь их разогнуть, – предложила Вика.

– Все равно будут давить.

Тогда Виктория принялась соблазнять его салатом, который купила еще перед Москвой. Салат подсох, но выглядел еще вполне... Если бы Стерх хотел есть.

– Оставь это для кроликов, – только и проговорил он.

Они закурили. Стерху вкус сигареты показался неприятным, как и приправа к шаурме, но он героически постарался не раздражаться.

– Может, попробуешь эти таблетки с кофеином? – предложила она.

– Наоборот, я готов пуститься с тобой в пляс, если...

Договорить он не успел. Из дверей забегаловки вышел Митяша, один, Ньюры не было. Вика посмотрела на Стерха тревожным взглядом, но против своего обыкновения, ничего не спросила.

Митяша успел дойти до своей «Вольво», как дверь снова открылась, и из нее появилась Нюра. Она была свежа, умыта, и улыбалась чуть не до ушей. Она чуть собственнически, словно родилась с этим чувством, подошла к Митяше, погладила его по плечу, легко поцеловала в щеку, и пошла к противоположной дверце машины, устраиваться на своем месте.

– Кажется, они о чем-то договорились, – отозвалась Вика.

Митяша включил мотор, вышел, протер тряпочкой лобовое стекло, и они снова поехали. Курск, как и Орел, миновали в объезд, что Стерх только приветствовал, потому что крутить ставшую тысячекилограммовой баранку по узким улицам полагал сейчас откровенной пыткой. Так же крупно ему повезло с Белгородом.

Зато после Белгорода пришлось поднажать, потому что Стерх решил пересечь украинскую границу перед машиной Митяши. На случай, если у них возникнут какие-либо неприятности с таможенниками. Поэтому, оперевшись, казалось, не только ногами в педали, но и всем телом в сиденье, он обогнал «Вольво», главным образом потому, что ему уже было все равно, гнать дальше, или оказаться в кювете.

Сложностей с украинцами почти не возникло. Вика заплатила какие-то деньги в кассе, уже освещенной бледным, люминесцентным светом, и лишь тогда Стерх понял, что солнце склонилось к горизонту. Через час должно было совсем стемнеть. Он представил себе, как заболят его глаза от света идущих по встречной полосе машин, и готов был зануть в голос. К тому же еще и Вика, чуть не подпрыгивая от радости, принесла ему большие, и довольно дорогие противосолнечные очки, широкие, как витрины процветающего магазина. На одном из стекол была крохотная наклейка с фирменным знаком «Адидас», но ей Стерх не поверил.

Он уже готов был высказаться по поводу несвоевременного подарка, как вдруг к пропускному пункту подкатила «Вольво» Митяши, и пришлось в ускоренном темпе сматываться. Езда в сторону Харькова испортила Вике характер. Она стала требовать, чтобы Стерх пустил ее за руль, и снова вспомнила о таблетках. Первое не вызвало в Стерхе энтузиазма, а в отношении второго ему было все равно, и он съел две коричневые таблетки, запив их чуть не полубутылкой воды.

Лишь когда «Вольво» миновало их, Стерх вдруг вспомнил о револьвере, который в высшей степени бестолково провез среди своих вещей. Если бы таможенники потребовали раскрыть сумки, у них могли бы возникнуть неприятности... Или задержка на пару часов, что было бы еще хуже. Впрочем, Стерх все равно не знал, как легально следует провозить оружие через все эти новообразованные границы. Разумеется, подрабатывая охранником, ему случалось оказываться и с более тяжелым оружием, например, помповиками «Моссберг», которые многие охранные агентства покупали по бросовым ценам, на другом конце России, скажем, в Хабаровске. Но там все было просто, разобрал, задекларировал, сел в самолет, и... А вот что делать с границей, он не знал, и дал себе слово, что по возвращению непременно прочтет соответствующие статьи законов, если сумеет их раздобыть.

В Харькове их догнали сумерки. Судя по скорости, с какой они перемещались, дороги в бывшей империи оказались не намного хуже, чем автобаны в Германии. Но Стерх-то отлично понимал, что это не так, а вот причину своего подвига осознать не мог. Митяше за рулем «Вольво» было, без сомнения, легче, у него все основные технологические открытия цивилизации, включая кондиционер... Впрочем, с наступлением сумерек, должно было стать прохладнее.

Они въехали в Харьков, покружили по каким-то улочкам, потом Митяша развернулся, снова выехал на Белгородское шоссе, разбивающее северную часть города на две почти равные половинки, и наконец, свернул на улицу Свердлова. Сбоку показалась какая-то речонка, но уже через четверть часа они вышли на магистраль, и на одном из знаков мелькнуло название «Запорожье». Разумеется, оно было на украинском и английском языках, но Стерх был уверен, что не ошибся.

– Они едут в Крым, – сказала Вика.

Стерх только вздохнул. После таблеток стало полегче, но во всем теле его накопилась такая масса свинцовой тяжести, что всем законным таблеткам на свете не удалось бы ее прогнать.

Снова шоссе, сверкающее теперь уже под его и чужими фарами, ослепительные сполохи встречных машин, и скорость, скорость. Одурачивающая скорость, перекрывающая сотню километров в час... После Харькова Вика стала устраиваться поудобнее, а потом вдруг с ее стороны раздался монотонный, совсем не девчоночий храп. Стерх поморщился и включил радио, оно наполнило салон какими-то заунывными песнями, непонятной скороговоркой диктора, либо тяжелыми раскатами немерено жестких электрогитар. Стерх сморщился уже как лимон, выжатый в чай, но поймать что-то более спокойное не сумел.

Потом наступила полночь. Вика на миг проснулась, поняла, что они уже миновали Запорожье, приближаются к Мелитополю и все еще едут на юг, напилась воды, перевернулась на другой бок, и снова попробовала «придавить ухо». Стерх сделал музыку потише, но не очень, гораздо важнее было не спать ему, а Вика, в конце концов, могла перебраться и на заднее сиденье.

Все-таки, Россия слишком большая, думал он, проезжая Джанкой. Сегодня для него это обернулось неприятной слабостью в руках и ногах, сонливостью, которая стала еще неприятнее, едва прошло действие таблеток, и страхом, что он неправильно «поймает» свет впереди идущих машин, и примет за «Вольво» какой-нибудь местный рыдван. О том, что Крым

уже не принадлежал России, он не думал, это был грех Хрущева и Ельцина, как и множество их прочих грехов...

Он очнулся уже перед Симферополем. Машина, в которую он устался совершенно одурелым взглядом, вдруг стала сходиться с ленты шоссе. Он лишь с трудом вспомнил, что в какой-то момент решил рискнуть и остановив машину, почти наощупь перелил бензин в бак. К счастью, Митяша занялся примерно тем же, только километров на сто дальше и в более комфортной обстановке, на нормальной автобусной остановке, пристроенной на обочине. На которой он с Нюрой даже пробовал немного перекусить бутербродами... Кажется, это было у Мелитополя.

«Вольво» с мягкостью, достойной знаменитой и чрезвычайно выносливой шведской марки, покрутилась по узеньким улочкам между высокими, темными зданиями, окруженными подобием парков, вырулила вдруг на настоящую стоянку, разбитую перед нескладным, гостиничного вида сооружением. Потом в «Вольво» вспыхнул свет, и из машины вылез Митяша. Он прошел к дверце со стороны пассажира и помог выбраться Нюре. Нырнул внутрь и выволок дорожные сумки весьма умеренных размеров. После этого пара, чуть покачиваясь от усталости, направилась к главному входу. Потоптавшись там, Митяша добился, чтобы двери раскрылись, и обоих пустили внутрь.

Через десять минут в одной из больших комнат на третьем этаже засветилось окно. Потом к шторам этих окон подошла Нюра и задернула их, смешно поднимая руку и пытаясь подпрыгнуть, чтобы ее рывок был более высоким.

После этого Стерх решил.

– Эй, побудка! Зорю еще не играют, но это лишь вопрос времени.

Он толкнул Вику, и убедился, что ее сон был не так уж прочен – она сразу уселась прямо, как солдатик, оглядываясь красными от сна глазами по сторонам.

– Где мы?

– В пригороде Симферополя. У какой-то гостиницы.

– Отлично, – Вика заворочалась, выискивая бутылку с водой. – Крым, это то, что сейчас может оказаться самым приятным на свете. Бархатный сезон... – Она пригляделась к Стерху. – У тебя глаз не видно, опухли как от скарлатины.

– Я и чувствую себя ходячей скарлатиной.

Стерх нашел сбоку от стоянки, подальше от основных машин, свободный уголок. Надеясь, что тут его машину не «разденут», он припарковал ее, и с тяжким вздохом откинулся на спинку. Они достали каждый свои сумки, потом, кажется, так же как и предыдущая пара, покачиваясь, дотащились до входной двери. В вестибюле гостиницы уже никого видно не было. Вика отыскала звонок и нажала на него недогнущим пальцем.

Их впустила сонная, разморенная толстушка с косой. На ней от форменной темно-синей одежды осталась только юбка. Блузка у нее была из какой-то розово-белой шерсти, явно самовязанная. Усевшись за конторку, она ленивым, певучим голосом осведомилась:

– Чего угодно господам?

– Найдется у вас комната на третьем этаже, желательнее слева от входа, с видом на стоянку?

– Туристский сезон еще не кончился, поэтому могу предложить парный покой на пятом, с видом на парк.

Стерх потряс головой.

– Нет, вы не понимаете. Мы будем жить отдельно. Девушке нужна комната на третьем, а мне... Я поселюсь где угодно, в любом одноместном номере, разумеется, с душем.

– У нас есть отличная комната на шестом, большая и светлая.

– Хорошо, очень хорошо, но нам нужна также комната с видом на стоянку. На третьем.

– Там у нас остались только двухместные апартаменты, довольно дорогие, – толстушка скептически осмотрела Вику и измотанного Стерха. – Японский телевизор, европейские каналы от спутниковой тарелки, увеличенная ванна... И как раз слева от входа.

– Отлично. Оформите сначала эту барышню на третий.

Толстушка приняла паспорта.

– Сколько времени хотите у нас оставаться?

– День, может, два, я думаю, не больше, – ответила Вика.

– Вы будете довольны апартаментами, – автоматически, почти без выражения проговорила толстушка, заполняя что-то на разложенной перед собой карточке. – В них у нас останавливаются только самые знаменитые гости. Жил и Ролан Быков, и когда-то, говорят, Никита Михалков снимал тут какой-то фильм.

Стерх вдруг почувствовал, что его кто-то рассматривает. Это был портье, высокий и худой парень с прыщами по всему лбу. Он облизнул губы, и попробовал улыбнуться. Лучше бы он этого не делал, потому что треть зубов этого двадцатилетнего паренька были сделаны из стали.

– Покой состоит из трех комнат, ласкавые паны, – проговорил он с сильным смягчением согласных. – И окно в сторону паркинга.

– Восемьдесят долларов до завтрашнего вечера, – проговорила толстушка, все еще недоверчиво глядя на Стерха.

Вика усмехнулась, она еще могла смеяться, достала из сумки смятые доллары, полученные этим утром от Прорвича.

Толстушка сразу стала глядеть веселее.

– Портье проводит даму в ее апартаменты, – зачастила толстуха, – а вот товарищу... придется донести свою сумку самому. По ночам у нас только дежурная смена... Но я могу проводить.

Стерх ее не слушал. Он подхватил свой паспорт с конторки, поднял сумку и зашагал за толстой служащей, которая уверенно, не оглядываясь, протопала к лифтам.

Высадив Вику с портье на третьем, толстуха поднялась со Стерхом на шестой этаж. Она подвела его к номеру с неясной в полумраке цифрой, открыла дверь. Заметив, что Стерх оглядывается, пояснила:

– По вечерам мы должны экономить электричество, счета стали слишком большие. – Она вошла в комнату, постояла посередине. – Может быть, господину что-то нужно? – Стерх в немом удивлении уставился на нее. – Ну, я имею в виду, какие-то особенные услуги?

Стерх только и сумел, что качнуть головой, даже не собираясь раздумывать, что дежурная имела в виду. Вздохнув, и для вида поправив торшер у кровати, толстуха удалилась. Стерх разделся, умылся, и уже через три минуты спал совершенно каменным сном.

Глава 6

Пронзительный звук будильника вызвал у него ощущение, что он спал не больше часа. С закрытыми глазами он поискал на тумбочке около себя проклятый будильник, и не нашел. Этот механический, пилящий нервы звук так его разозлил, что он должен был, наконец, осмотреться. Будильника нигде не было, а звонил телефон. С тихим отчаянием он поднял трубку.

– Что на этот раз? – проговорил он, откидываясь назад, в тепло подушки.

– Добрый день, мой сладенький, – прошептала Вика заговорщическим голосом. – Неужели даже в Крыму ты начинаешь свой день недовольным?

– Началась гражданская война? Или американцы высадились на крышу нашего отеля? Я только час, как лег...

– Сейчас полдень. Ты проспал больше семи часов, если я правильно перевела часы, – отозвалась она. – А этого для взрослого мужика вполне достаточно.

Стерх взглянул на свои часы, которые так и не снял с руки. Было четверть двенадцатого. Если тут время отставало от московского на час, то в самом деле, он спал с пяти до полудня по местному.

– Ты где?

– Звоню из города. Наш приятель оказался куда крепче тебя, и уже больше часа со своей подружкой ходит по местным магазинам... Это называется шопинг, если хочешь знать.

Стерх заворчал, он очень хотел сердиться, но не знал, как и по какому поводу.

– Прими душ, мир покажется тебе более светлым и справедливым местом, – посоветовала Вика.

Стерх положил трубку, и зарылся в подушку. Поворочался с боку на бок, но заснуть уже не мог. Наконец, встал, подошел к окну. Прямо под ним раскинулся роскошный южный парк, в котором было больше грецких орехов, если он не ошибался, и акаций, чем сирени. Чуть дальше, у изгороди, росли пирамидальные тополя, они важно кивали своими верхушками. Еще дальше виднелись какие-то дома, но не привычные московские дачи, а довольно необычные саманные кубы с маленькими окнами. Оставалось только возрадоваться, как советовала Вика, и приветствовать Крым. Он вздохнул и потащился в душ.

Когда полчасом позже, выкупанный холодной водой, потому что горячей не было, и выбритый до синевы, он съехал на лифте вниз, даже самому себе он показался значительно бодрее. Сбоку от двери лифта стояла металлическая стойка с табличкой «Кафе», он отправился в указанном направлении. Стоило ему сесть за столик, как перед ним вырос седоволосый официант с очень большими, навывкате, глазами. Стерх заказал себе кружку кофе, яичницу с охотничьими колбасками, и две булочки.

Пока официант ушел на кухню, он выволок пачку сигарет, неуверенно подержал ее перед собой, оглянулся, так и не решившись закурить, положил на стол. Прибыла еда, яичница на подсолнечном масле и колбаски пахли довольно аппетитно, булочки были мягкими, а кофе примерно таким, как Стерх любил – некрепкий, черный, несладкий, и его была целая кружка.

Едва он принялся за кофе, как к столу подошел очень высокий, тощий тип, со лбом, на котором, казалось, только вчера зажили прыщи. Он походил на ночного портъе как раннее издание одной и той же жизни. Даже волосы его так же торчали вверх, только были чуть короче, чем у запомнившегося Стерху юноши. Выражение его глаз было злым, словно он только что узнал, что остаток своей жизни должен прожить без чаевых.

– Пан Стерх? – спросил он. И уселся за столик, вытянув перед собой узловатые руки. – Как мне сказали, это вы приехали сегодня часов в пять утра?

Стерх сделал два больших глотка кофе, поставил кружку на не очень свежую скатерть и кивнул.

– Значит, вы прибыли сразу после одесситов?

– Каких одесситов? – Стерх был расслаблен, еще больше, чем при просыпании, а на лице имел как бы скучающее выражение.

– Я говорю о паре Делюжных, которые прописаны в Одессе, хотя свой паспорт пан Делюжный получил в Приднестровской республике. Забавно, правда? Они хотели бы провести у нас медовый месяц, вот только сама панна забыла свой паспорт, но она есть в паспорте мужа, так что приемщица пошла ей навстречу, прописала их по одному документу. – Тип медленно оглядел почти пустое кафе, словно опасался, что из-под столиков вынырнет племя индейцев. – Они воркуют между собой, как голубки. Это каждому должно нравиться, кто понимает, о чем я говорю... В общем, они прибыли, а вы со своей спутницей отметились на двадцать минут позднее.

Стерх посмотрел на остывшие на тарелке остатки яичницы, словно размышлял, не промокнуть ли желтковую лужицу корочкой, потом, видимо, отказался от этой идеи, и просто хлебнул кофе.

– Как вам нравится наше кофе?

– Наш кофе, – поправил его Стерх. – В русском языке кофе имеет мужской род.

– Вы позволите? – спросил тип напротив, протянул руку и вытащил одну из сигарет из пачки «кента», Стерх лишь проследил его движение глазами.

– Видите ли, – мужичек закурил, помахал рукой в воздухе, разгоняя дым, – ваша спутница, которую зовут Виктория Игоревна Запольная, заняла апартаменты прямо через стену от Делюжных. Когда я это узнал, то сразу кое-что стал соображать. – Стерх удержался от того, чтобы не поднять удивленно брови. А тип продолжал: – Вы сняли комнату на шестом этаже, а ваша... подруга внизу. Причем покои, которые, по правде говоря, в это время года занимают очень редко, потому что они дорого стоят.

– Вы любите заглядывать в чужие кошельки?

– Признаться, да, – улыбнулся тип, и продемонстрировал миру, что треть его зубов сделаны из золота. Впрочем, как показалось Стерху, довольно дешевого, потому что желтого, как прогорклое масло. – Но об этом потом... А пока я хочу спросить ласкавого пана, вы за ними следите?

Стерх обернулся, выискивая официанта, чтобы попросить еще одну кружку кофе, но никого видно не было. Он вздохнул.

– Слушаю дальше.

– Вы знаете, что в тех апартаментах, которые заняла Запольная, останавливался Никита Михалков?

– Меня информировали, – отозвался Стерх. Потом почувствовал, что пора выходить на финишную прямую. – Послушайте, приятель, я не знаю вашего имени, поэтому обращаюсь так свободно... У меня был вчера трудный день, спал я плохо, и совсем не расположен слушать какие-то бредни. Если у вас есть что-то конкретное, я готов выслушать. Если нет, я пойду себе, чтобы... спокойно переварить завтрак.

Лицо мужичка приняло теперь свой естественный облик – жесткий, даже слегка зверский. Такого можно было бы испугаться, если бы Стерх уже давно не понял, что этот тип отчаянно старается спрятать от посторонних манеры мелкой уголовной шоблы – таких Стерх навиделся на своем веку немало, и по роду прежней службы, да и сейчас они еще попадались, хотя в Москве реже, чем в провинции.

– Я приглядываю за этим отелом... Выражая волю его хозяев, если пан позволит. – Тип загасил сигарету в пепельнице, и взял еще одну, не спрашивая, из пачки Стерха. – Если хотите, я могу назваться местным детективом.

– Разве существует такая профессия? – спросил Стерх.

– Не знаю... Но это моя работа – разглядывать гостей этого отеля, и... – тип препогано усмехнулся, – оказывать им дополнительные услуги. Знаете, если кто-то тайком от жены шалит тут с местными красавицами, или тратит деньги, которые ему не принадлежат, или вообще не хочет какой-либо огласки.

– Мне не нужны дополнительные услуги. А то, что вы перечислили, называется шантажом.

– Шантаж? Что вы, такое я даже не способен измыслить, – золотозубый снова помахал в воздухе рукой. Стерх вспомнил, что именно так в зонах машут рукой, когда курят в неподобающем месте, чтобы не видело начальство, или чтобы было неясно, кто именно курит. Он и сигарету держал к себе, пряча ее в ладони. – Я просто не упускаю для моих хозяев небольшой, но верный заработок. Вот и в вашем случае, как мне кажется, может кое-что наклонуться. И замечайте, совершенно законно, не так ли, пан Стерх?

– По-русски следует говорить «прошу заметить», – поправил его Стерх. Он тоже взял одну сигарету, а пачку спрятал в карман. Потом зажег ее и затянулся с ощутимым удовольствием.

– Знаете, о чем я думаю? – спросил тип.

– Не имею понятия.

– Если вы знаете что-то об этих Делюжных, вам самое время рассказать это мне. И мы поделим денежки поровну. Даже если вы что-то о них подозреваете, я могу предложить вам помощь для дальнейшего... сотрудничества. Поверьте, помощь эта окажется значительной, у нашей организации серьезные возможности.

Стерх минуту подумал.

– Вы говорите, у Делюжных, или как они там себя назвали, Одесская прописка?

– Вероятно, они там живут. Пока мы их не проверяли. – Тип снова широко усмехнулся. – Хотя отсюда смотаться в Одессу – день работы, вы это и сами понимаете.

– Ну, а я живу в Москве.

– Не имею ничего против, пан Стерх. Даже наоборот, приветствую, потому что Крым – всесоюзная здравница.

– Вы сказали, что никто не видел паспорта этой девушки, верно? А не кажется ли вам странным, что она не показала свой паспорт?

– Если один из паспортов в порядке, мы не поднимаем шума. Пока не выяснится обратное.

– За что можно содрать дополнительную цену, – перебил его Стерх.

– Вы отлично понимаете ситуацию.

– Как видите, научился, – отозвался Стерх. – Вот только должен признаться, мне не нравится ваш способ зарабатывать деньги, ласкавый пан.

– Это не имеет к делу отношения, – сказал тип с золотыми челюстями. Неожиданно, он стал еще более хищным, чем прежде, хотя минуту назад это казалось невозможно. – Думаю, что триста долларов будет вполне достаточно, чтобы я отошел в сторону.

– Так много? – удивился Стерх.

– Судя по тому, как они и вы легко оплатили едва ли не самые дорогие апартаменты в нашем отеле, в вашей игре ставки куда выше.

Стерх поднялся. Наконец, нашел взглядом официанта, который стоял в самом темном углу кафе, и кажется, беззвучно трясся от страха. Или от напряжения.

– Включите в счет, пожалуйста, мой номер шестьсот тринадцать. – Не оглядываясь, он пошел к выходу.

Потом поднялся к себе. Этого типа следовало или выбросить из головы, или серьезно обдумать его предложение. Конечно, три сотни баксов было не по карману Стерху, но если поторговаться... Нет, скорее, следовало выбросить его из головы.

Стерх улегся на тахту и включил телевизор, внушительный, потертый «Славутич», старый, как египетские пирамиды, без пульта управления. По единственному бесплатному каналу демонстрировали какой-то американский боевик, где все говорили по-украински, и где прилизанный, даже лоснящийся молодой хлыщ, которому Стерх в обычной жизни не доверил бы завязать шнурки от своих ботинок, распорядился сверхсекретными планами, а когда стала угрожать опасность их утечки в Россию, принялся крошить всех врагов из автомата, пистолетов и даже базуки. В итоге, насколько Стерх понял украинский, всю эту гору трупов он навалил только для того, чтобы кошмарно секретные планы узнала рядовая американская общественность, потому что Америка – свободная страна, где царит открытость информации.

Около половины второго дверь открылась, и в его комнату проскользнула Вика.

– Наша парочка обручилась, – выдала она вместо приветствия.

– И как это выглядело?

– Вошли в ювелирный магазин, а когда вышли из него, на пальце девушки сверкало такое миленькое колечко.

– Они не обручились, а поженились.

– То есть? – в свою очередь спросила Вика.

– Вчера они прописались тут как супруги Делюжные из Одессы, хотя фальшивый паспорт выдан Митяше где-то в Приднестровской республике.

Вика выключила телевизор, уселась в кресло напротив Стерха, вытащила сигареты из сумочки, закурила, выпустила огромный клуб дыма.

– Знаешь, я начинаю полагать, тут ни в коем случае не может дойти до убийства. Объяснение звучит просто – парень девицу любит. Это не очень понятно, но у тех, кто за ними последил бы час-другой, не вызывало бы сомнений. Он просто тянется к ней, а она его принимает... Полагаю, когда парню стало ясно, что отец хочет навязать ему другую, он смылся из дома, чтобы... этого не произошло. И в надежде, что по прошествии, скажем, месяца, обоих простят и примут назад.

– А фальшивые фамилии?

– Ну, если бы они демонстрировали настоящие документы, этот Витунов мог бы найти их, прежде чем им этого захочется. – Внезапно Вика расхохоталась. – Это отлично, что выдумка Прорвича-младшего обеспечила нам такой отменный отпуск. Предлагаю выпить за его счет и за его здоровье сегодня вечером бутылочку местного муската, разумеется, вместе с молодой парой Витуновых.

– Может, ты и права, – лениво отозвался Стерх. – В любом случае, это решение понравилось бы мне куда больше, чем любое другое. Бутылочка муската за чужой счет... да, это неплохо. Кстати об отпуске, как тебе апартаменты?

– Мечта! – воскликнула Вика. – Такие я видела только в кино.

– Там и жили в основном киношники, если послушать служащих отеля.

– Да, я тоже слышала, Никита Михалков... Вот это мужчина!

Стерх вдруг разозлился.

– В таком случае – мои поздравления по поводу отменного вкуса... ласкавой пани. Только мечтай об этом в коридоре.

Вика состроила гримаску, загасила сигарету в пепельнице, и вышла. Но уже через минуту вдруг зазвонил телефон.

– Они спустились на стоянку к машинам.

– Лечу, – подскочил на кровати Стерх.

Он даже забыл ключи от машины, когда бежал к двери, но вернулся и подхватил их, прежде чем вылететь из номера. Внизу, в холле стоял золотозубый тип, который медленно и лениво просматривал книгу регистрации гостей, не обернувшись к Стерху. Но Стерх отлично видел, что тот не спускает с него взгляд через зеркало, которое, вероятно, для этой цели и висело за спиной женщины, выдающей ключи. Стерх кивнул ему, обозначая, что такой мелкой хитростью его не обманешь, и выбежал на стоянку. В машине уже сидела Вика, она запустила мотор, потому что у нее были свои ключи.

Стерх плюхнулся на место водителя и дал газу. Они поехали по подъездной аллее парка, которую вчера в темноте толком и не рассмотрели.

– Насколько он нас опережает?

– Максимум на четыре минуты, – отозвалась Вика. – А скорее всего, чуть меньше.

– Куда он может направляться?

Вика уже крутила в руках свой дурацкий бинокль. И как она может смотреть в него, не снимая очков, удивился Стерх. Улица, по которой они вчера подъезжали к отелю, вывалилась на бампер машины, требуя решения. Стерх осмотрелся, сбоку в совершенно расслабленной позе сидел какой-то пьянчужка, или просто попрошайка. Вика поняла его без команды. Она выскочила, подлетела к нему, что-то спросила, сильно наклонившись вперед, положив ему руку на плечо. Мужичок махнул влево, Вика вернулась. Она не успела даже обосноваться на сиденье, как Стерх уже газовал.

Они проскочили какие-то повороты, но так как спрашивать было не у кого, Стерх решил, что и Митяша вряд ли туда сворачивал. Потом они выкатили на некоторую авто-страдку, где был только правый поворот, Стерх так и повернул. Вика поднесла бинокль к глазам и наконец торжествующе прокричала:

– Вот они!

Стерх напряг зрение, после вчерашнего это требовало от него усилий. Так и есть, впереди, километрах в пяти, между легкими глссадами, которыми шла дорога, появилась «Вольво». Стерх сразу успокоился. Он, конечно, еще немного поднажал, но теперь это не имело значения. Они поехали ровно, словно бы погони никакой не было.

Впереди возникли горы, они теперь не темнели неровной линией на горизонте, как это было видно из их отеля, а возносились все уверенней и все круче. Дорога стала более спокойной, дома по ее сторонам исчезли, а само полотно теперь то и дело проходило между прорезанными в земле склонами, чувствовалось, что она проложена тут более продуманно. Потом они вышли на ровный участок, и Вика даже ахнула от возбуждения:

– Ну и красота!

Местность действительно была на редкость красива. Склоны горы, видимых теперь со всех сторон, заросли смешанным лесом. Кустарник вообще покрывал склоны, как пяти-дневная щетина, но в отличие от щетины, не вызывал ощущения неопрятности. Наоборот, вокруг стало чисто, как и было, наверное, задумано Богом.

– Где мы? – спросил Стерх.

Вика пошуршала картой.

– Скорее всего подъезжаем к перевалу Ангарскому. А справа, вот эта красавица-гора называется Чатыр-даг.

– Ангарскому? – переспросил Стерх.

– У них и Ангара есть, крохотная такая речушка... Ты не заметил, мы ее проехали.

Стерх немного поднажал и приблизился к «Вольво» как можно ближе. И вовремя. Потому что светлая машина вдруг съехала с шоссе и стала, словно трудолюбивый муравей, взбираться в гору по проселку. Скоро она скрылась в лесу.

Стерх вздохнул, подумал о шлейфе пыли, который его непременно выдаст, но все-таки решил, тоже съехал и потащился в облаке еще не до конца осевшей пыли. Впрочем, ему

помог какой-то грузовик, который вдруг продребезжал навстречу, теперь пыли бояться не стоило, дорога была куда более езженной, чем показалась вначале.

– Как думаешь, он знает, куда едет? – спросила Вика.

Стерх только крикнул. Они два раза чуть не заюзили, причем довольно опасно, потому что склоны вдруг стали очень обрывистыми, сказывалась высота и неровность складок горы, а потом попали в плотный лесок из невысоких сосенок, перебиваемых круглыми елками... А потом они выехали на небольшую, отсыпанную гравием площадку, сделанную на краю очень обширного альпийского луга. В дальнем от дороги конце этой площадки стояла «Вольво», пустая.

Стерх закатил свою «Ниву» под кусты, так, что не очень внимательно оглядевшийся человек ее не заметил бы, и выскочил. Вика за ним едва успевала.

– Куда? – спросила она.

Но Стерх уже увидел, что от площадки, примерно в том месте, где стояла «Вольво», между кустами пробита довольно утоптанная тропа. Вот к ней-то он и побежал. Потом пошел, почему-то бежать было очень тяжело, уже через сотню-другую метров его догнала Вика, и даже опередила размашистым, легким шагом. Они шли минуты две, не больше, и вдруг...

Это была площадка для обзора. Местная, ни на что особенно не претендующая, но замечательная. Потому что совершенно неожиданно впереди, где-то совсем недалеко, километрах в десяти, или чуть дальше, земля заканчивалась, и начиналось море. Оно было не очень хорошо видно, потому что тонуло в дымке, как и почти сплошная кора домов, расположенных на побережье. Но все равно, от пространства, от обилия света и этого чуть влажного простора, захватывало дух.

На краю площадки стояла одинокая девичья фигурка, на фоне этого великолепия она смотрелась на удивление беззащитной. Митяша Витунов сидел метрах в десяти от нее, на вполне приличном валуне, совсем немного не докатившемся до обрыва. Он подтянул колени к подбородку, как ребенок, и по положению его головы Стерх понял, что он не спускает взгляд с девушки.

В первое мгновение Стерха охватило только одно желание – подбежать к Нюре и оттащить ее от края, на котором она оказалась. С трудом он справился с собой, и подхватив Вику под локоть, заволок напарницу в кусты. За ними, при желании, можно было добраться почти к самой парочке, но не ближе пятидесяти-шестидесяти метров – это было видно сразу.

Успокоившись, и даже слегка расслабившись, Стерх пошел вдоль кустов, стараясь не выпускать молодых людей из виду. Идти было нелегко, и все-таки они справились, подобравшись даже ближе, чем Стерх надеялся. Теперь Вика не отставала от него, хотя, разумеется, и держалась чуть сзади.

Когда они раздвинули ветки, то увидели, что Нюра стоит еще ближе к краю, почти на самом изломе обрыва, раскинув руки, смеясь, подставив лицо соленому морскому воздуху, летящему с юга. Иногда она оглядывалась, посматривая на Митяшу, не понимая, что с ним происходит, почему он не радуется с ней вместе.

Стерх отчетливо представил себе следующую возможность – он выскакивает, хватается девушку за руку, и отводит ее подальше от смертельной опасности. Скорее всего, это кончилось бы ничем, потому что она не поверила бы его объяснениям – мол, Митяша все это устроил, чтобы ее убить – они уезжают, но все возможности для слежки окажутся потеряны, ни Митя, ни сама Нюра больше не подпустит к себе странного Стерха, явно свихнутого, не то что на расстояние контакта, как сейчас, но даже для безошибочного наблюдения. Нет, этот путь не годился. Следовало придумать что-то еще. Но что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.